

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

20-е ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНІЕ.

1) Конституція и народъ. — 2) Причины перевѣса чиновничества надъ земствомъ. — 3) Конецъ крамолы и сохраненіе осады. — 4) Студенческія волненія въ Харьковѣ (Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»). — 5) Земскіе проекты. II. Новгородское земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи. — 6) Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ I—II. З. С. — 7) Быть или не быть парламентаризму? (Окончаніе), В. Гольштейна. — 8) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. (Окончаніе), Ц. — 9) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу (Берлинскія письма). I. Argus. — 10) Письма о политическо-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. V. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи, Н. Жебуева. — 11) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, I. В. Мак. — 12) Извѣстія и замѣтки: I. Одинъ изъ казенныхъ русскіхъ юбилеевъ. II. Слухи о высылкѣ изъ Петербурга гг. Н. Михайловскаго и Шелгунова.

ЖЕНЕВА, 20 января 1883.

Мы надѣемся, что читатель не забылъ писемъ изъ Сибири, полныхъ интересныхъ фактовъ, «Крестьянскіе переселенія и надежды», помѣщенныхъ въ 50 и 51 номерахъ «Вольнаго Слова». Мы намѣрены сегодня ухватиться за одну фразу изъ этихъ писемъ: «какъ всѣ чаянія русской интеллигенціи вертятся вокругъ одного (?) : конституціи, — народныя надежды сводятся тоже къ одному: къ землѣ» (№ 51, стр. 9), и поговорить о томъ, дѣйствительно ли и въ народѣ нѣтъ чаянія своего рода конституціи?

Намъ кажется, что есть. Мы уже напомнимъ, въ примѣчаніи къ первому письму нашего сибирскаго сотрудника, крестьянскую фразу, которую мы встрѣтили въ одной изъ корреспонденцій въ «Недѣль», т. е. въ той именно газетѣ, которая изъ-за довольно туманнаго народничества (и будто подъ цензурою народничество можетъ быть не туманнымъ даже при ясности мысли у его адептовъ?) борется, съ достойнымъ лучшей цѣли усердіемъ, противъ «либерализма». Фраза эта свидѣтельствуетъ, что народъ стремится переселиться туда, «гдѣ земли побольше, а начальства поменьше».

Въ помѣщенномъ въ 40 №-рѣ «В. Сл.» письмѣ изъ Бѣлоруссіи встрѣчаемъ крестьянскую фразу, которая гласитъ въ переводѣ: «кажется, такъ много платимъ, такъ много этого начальства, а жить трудно, край припѣсненъ, обголенъ». Въ томъ же №-рѣ нашъ корреспондентъ изъ правобережной Украины говоритъ: «теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: «не надо намъ этихъ чиновниковъ; управимся сами» (стр. 7).

Развѣ же это не «конституціонныя стремленія»? Развѣ описанные въ прошломъ №-рѣ нашей газеты самовольные опыты галицкихъ крестьянъ (такихъ же украинцевъ, какъ и жители юго-западной Россіи) устроить громадскую автономію — не конституціонные опыты? Правда, галицкіе крестьяне, устраивая такъ, чтобы громада была «сама въ себѣ» (подумай, что они по гречески учились или, по крайней мѣрѣ, Прудона читали!), въ то же время говорили, что такая воля пришла имъ отъ «царя» и что громада и впредь будетъ зависѣть отъ этого царя, — а теперь замѣняютъ царя «Маскалемъ». Но если бъ не было такой мнѣологической примѣсы къ конституціоннымъ стремленіямъ украинскіхъ крестьянъ, тогда бы и въ самомъ дѣлѣ не было разницы между ними и авторомъ книги «Du principe fédératif». На то и есть «интеллигенція», чтобы систематизировать и повести дальше стремленія «народа». А что точка соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и народа существуетъ, — это кажется намъ несомнѣннымъ. Бѣда только въ томъ, что конституціоналисты интеллигентные запяты мыслію больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія, — парламентахъ, министрахъ, царяхъ, президентахъ, и, по разнымъ причинамъ (своекорыстію, недомыслію, мечтаютъ облагодѣтельствовать народъ посредствою воздѣйствій власти и пр.), оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу, — а этотъ

послѣдній, по другимъ причинамъ (главнымъ образомъ по узкости своей сферы опыта), не имѣетъ понятія объ устройствѣ самоуправленія на дальнѣйшихъ отъ непосредственно его касающихся ступеняхъ общественной террасы. Но, напр., галицкіе крестьяне, пренебрегая нынѣшней австрійской конституціей и радуясь возможности отиѣны «Маскалемъ» нынѣшнихъ уѣздныхъ учрежденій, въ то же время стоятъ за «вольность» въ громадскомъ устройствѣ. Мало того, — эти крестьяне, разъ устроивши себѣ (незаконно) автономную громаду (въ Жабѣ), обращаются съ «радами» (совѣтами) въ другія громады и, такимъ образомъ, вступаютъ на дорогу къ болѣе широкимъ организаціямъ: сначала, конечно, волостнымъ, уѣзднымъ, а дальше къ областнымъ и государственнымъ, конечно, на томъ же автономномъ началѣ. Если такъ называемая интеллигенція, сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ, для ихъ удовлетворенія, все большихъ общественныхъ союзовъ, — то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему сознать необходимость расширенія этихъ союзовъ, а равно и необходимость основанія и самаго широкаго изъ нихъ на началѣ представительномъ, а не единоличномъ. Такимъ образомъ будетъ наполнена пропасть, раздѣляющая теперь конституціонныя (если уже употреблять это слово) стремленія такъ называемыхъ интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣль послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно быть (да и не можетъ быть) забываемо, что самоуправленіе есть только форма, которая должна быть наполнена реальнымъ содержаніемъ: удовлетвореніемъ нуждъ населенія, экономическихъ и культурныхъ.

Обращаясь къ интеллигенціи народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, мы съ удовольствіемъ видимъ, что интеллигенція эта

далеко не лишена и сознания необходимости самоуправления, и понимания значения для этого самоуправления автономной организации мелких общественных групп, наиболее близких массам, и, наконец, далеко не лишена чувства социальной справедливости по отношению к т. н. простому народу, — так что здесь мы имеем много возможностей для устройства неподдельного народного самоуправления и наполнения его интересным для масс содержанием. Если чего не достаёт теперь этой интеллигенции, то не столько вышеупомянутого сознания и чувства, сколько энергии да ещё численности, которая, впрочем, в сложных общественных вопросах часто и обуславливает собою и энергию. Вот почему, при всей отсталости России от западных стран Европы (в которых, как это можно видеть, напр., и по печатаемым у нас статьям, напр., «Быть или не быть парламентаризму?» и др., вопрос об устройстве действительного самоуправления стоит тоже на очереди, хотя и с другими отблесками), и всё основанное на возможности учреждения в России самоуправления на всех ступенях общественной организации и в направлении его на удовлетворение существенных народных нужд.

Сосредоточение усилий всех отблесков интеллигенции в видах скорейшего приобретения этого самоуправления и разъяснение ими в этих же видах народу значения всех его ступеней — составляет, по нашему мнению, настоятельную необходимость теперешнего времени. Было бы большою ошибкою со стороны «народников», если бы они, руководствуясь мыслию, что «чаши народа сводятся к одному, к земле», а не к конституции, отнеслись с пренебрежением к вопросу об установлении в России самоуправления в возможно скорейшем времени. Совершенно непостижимо, на чём могут основывать легальные российские земле-передельцы свои надежды на то, что теперешнее монархически-бюрократическое правительство России может сделать так, что, употребляя выражение г. Энгельгарда, «земли перейдут в руки земледельцев», и на чём основаны утешать себя, подобно г. В. В., автору книги о «Капитализм в России», тем, что России удастся осуществить идею равенства и братства, если уже ей не суждено бороться за свободу? Кто, как не это правительство своею податною системою, своим всесторонним сдирством уничтожило почти весь движимый капитал крестьянства и отняло у последнего возможность без всякого насильственного захвата взять в своё владение значительную часть помещичьих

земель, не говоря уже о землях казенных, из которых даже в правление Александра II около 20.000.000 десят. земли роздано было в руки частных владельцев, при чём земли эти раздавались чиновникам даже в таких густонаселённых местах, как юго-западные губернии*). Но если бы какими-нибудь чудом царское правительство надумалось взяться за национализацию земли в России, — то есть ли какая-нибудь возможность произвести что либо подобное и устроить систему всеобщего пользования землею (а в этом, а вовсе не в передёль, и заключается сущность вопроса) в самоуправлении мелких и крупных групп и союзов?

Не более основательны надежды и земле-передельцев нелегальных, которые ждут скорого перехода земли в руки земледельцев путём возмания народа, разочарованного в надеждах на царя. Мы не раз имеем случаи указывать на хронический и при этом энический характер крестьянских мечтаний, которые уже по этому одному не могут иметь реально-политического значения. При том же свидетельства наблюдателей, — между прочим, и вышеупомянутых наших корреспондентов, — показывают, что общественные ожидания крестьян начинают разсвяться и разрываться пребуржуазным образом, — переселениями и покупкою земли крестьянами, конечно, более богатыми, которые составят класс собственников, гораздо более противный идею национализации земли, чём помещичий класс из дворян. Не лишено значения и обстоятельство, замеченное г. Энгельгардом (Из деревни. 451), что самыми яркими пропагандистами идеи отобрания земли от господ являются в селах богатые мужики, кулаки. Это обстоятельство усиливает, так сказать, буржуазную ноту землепередельских мечтаний наших крестьян. Нота эта, конечно, всего более сильна там, где общинное землевладение уже замесно подворным. Но и в областях с землевладением общинным теперешние крестьянские мýры, каждый порознь, представляют из себя узких собственников, которым ещё предстоит пройти школу более широкой солидаризации усилий в волостях, волостях (в роду проектируемых Новгор. земством; см. далёе) и уездах, для

*) В Киевской губ. казна продала чиновникам на «льготных условиях», т. е. почти даром, более 100.000 дес. издавна волиных земель, не считая недавно конфискованных. Среди других особенностей, неизвёстных Западной Европе, существует и такая: крестьяне терпят от малоземелия, благодаря бюрократическо-сословному способу их эмансипации и стеснениям в передвижении населения, и в то же время даже в населённых губерниях средней полосы сотни тысяч десятин земли лежат необработанными, благодаря отсутствию и у помещиков, и у крестьян движимого капитала для их обработки.

того, чтобы подняться до идеи социализации земледельческого хозяйства от теперешнего верстания надёлов по «податным думам» в случайно составленных поместных мерах, которые не знают другого способа в решении между-мирских столкновений, кроме драки и тизбы. Самоуправление в том роде, о каком мы говорили, является для нашего крестьянства не только освобождением его кармана от тысячи видов сдирства со всеми его социально-экономическими последствиями, но и кадрами солидаризации интересов и экономической кооперации в постепенно расширяющихся разбросах.

С настоящего №-ра мы начинаем печатать статью «Восемьнадцать лет войны чиновничества с земством», которая представляет обзор важнейших прений, поставленных агентами правительства деятельности земского представительства. Как в начале статьи, так и в конце её, у читателя является вопрос: где же причина справедливо оплакиваемого автором перевеса чиновничества над земством? Автор, очевидно, желая только сделать фактический обзор описываемой им войны, — упустил от размышления и даже постановки этого вопроса. Но мы считаем себя обязанными попытаться дать ответ на этот вопрос, который, впрочем, в сущности читатель может предугадать наперед: самоуправление хозяйственное не возможно без самоуправления административного, — а самоуправление последнее без государственного.

Конец крамолы и сохранение осады. Недвижимо назад в важнейших иностранных газетах появились, конечно, по заказу, корреспонденции из Петербурга о том, что революционная крамола в России, равно как и антиеврейские беспорядки, выведенные мудрыми мерами г. Толстого и что теперь в двор. в России могут наслаждаться миром и спокойствием. Двор действительно перебрал в Петербург, — и последние №-ра русских газет описывают уже рауты у министров и общаются очень веселыми и оживлёнными сессиями в высшем обществе. При чтении этих вестей, невозможно, конечно, вспомнить о Лорис-Меликовском усмирении России. Но может быть, и в самом деле русской государственной полиции удалось на этот раз с успехом выполнить, приписанную ей после 1-го марта, систему уловлений «народовольцев» посредством подбивания их скорее израсходовать себя на предприятия против личности нового царя. Во всяком случае, является вопрос: если крамола так разбита, то против кого же остаются в действительности генерал-губернаторы и усиленная охрана со всеми их уловствами для жителей охраняемых губерний и долго ли будут томиться в арестах и ссылках без разбора нахватавшиеся охранителями сотни, если не тысячи граждан?

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В ХАРЬКОВЕ.

(Письмо в редакцию «Вольного Слова»)

«Злойбы дня» у нас, как во всех других университетских городах, так называемые студенческие волнения. Как много и было говорено и писано об этом явлении, неизменно присущем Российской общественной жизни, но пока известное общественное явление существует или периодически возобновляется в самых различных формах, вследствие причин, глубоко коренящихся в нашей государственном устройстве, до тех пор и

печатать не вправе игнорировать это явление. А между тем наша печать, благодаря тому, что правительство заранее поспешило зажать ей рот, безмолвствует. Один только «Прав. Вѣстн.» по временамъ оповѣщаетъ «правдивымъ русскимъ слогомъ» о какихъ то неблагоприятныхъ студентахъ, затѣвающихъ сходки и противозаконныя сборища, очевидно, по «щучьему велѣнію», и о благодѣтельныхъ и своевременныхъ мѣрахъ правительственныхъ агентовъ къ «предупрежденію и пресѣченію».

Такое положеніе дѣлъ еще болѣе обязываетъ органъ, пользующійся полной свободой печати, дать мѣсто всякому голосу, могущему возстановить въ глазахъ общества поруганную истину. Прежде, чѣмъ излагать подробности нашихъ сходокъ и формъ протеста, я позволю себѣ предварительно высказать нѣкоторые мысли о сущности и смыслѣ студенческихъ движеній, которыя, полагаю, будутъ не безинтересны читателямъ, такъ какъ пишущій эти строки, такъ или иначе, принималъ прямое и активное участие въ этомъ движеніи.

Настоящее студенческое движеніе отличается отъ всѣхъ бывшихъ прежде тѣмъ, что оно проявилось почти одновременно во всѣхъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Даже тихіе и покорные студенты Демидовскаго лицея, въ Ярославѣ, и совершенно забытые, ни для кого не существующіе студенты лицея кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ, тоже засуетились и закопошились въ своихъ архивахъ. (Здѣсь получено письмо о попыткѣ студентовъ Нѣжинскаго лицея присоединиться къ обще-студентскимъ протестамъ). Но что же вызываетъ студенческія движенія? На всѣ подобные вопросы, волнующіе умы многихъ, возможенъ только одинъ отвѣтъ: это всецѣлѣ патологическій, ненормальный государственный строй.

Лучше всего приведу нѣкоторые выдержки изъ воззваній, которыя распространены были почти во всѣхъ университетахъ, и рѣчей отдѣльныхъ студентовъ, которыми большинство восторженно аплодировало.

«Мы, говорили студенты ораторы, собираемся, демонстрируемъ, рискуемъ сдѣлаться, еи masse или отдѣльными личностями, жертвой необузданнаго произвола совсѣмъ не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ или какой либо группы, также и не подъ влияніемъ и воздѣйствіемъ крамолы, вышъ насъ стоящей, какъ это утверждаютъ наши враги. Мы хотимъ и требуемъ болѣе человѣческихъ и гуманныхъ отношеній къ учащейся молодежи вообще и къ студенчеству въ частности. Мы желаемъ имѣть свободу пользоваться своими естественными правами; мы хотимъ относиться, какъ къ своимъ товарищамъ, такъ и къ самимъ себѣ не по катковскому шаблону, а какъ намъ подсказываетъ наша совѣсть, наша мысль... «Товарищи!—говорилось въ одномъ воззваніи.—Родина наша порабощена. Всюду царитъ произволъ и деспотизмъ... Насильственное подавленіе всякаго проявленія самостоятельной мысли, упраздненіе справедливости, гоненіе, воздвигнутое не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества... заставляютъ насъ протестовать». Такова общія формулировка причинъ, вызывающихъ студенческія движенія. Можно положительно сказать, что во всѣхъ бывшихъ волненіяхъ всегда и всюду студенты, — кромѣ своихъ чисто-студенческихъ нуждъ, которыя въ данномъ случаѣ только побочны, которыя сами собою будутъ устранены, — выставляли основнымъ мотивомъ подобнаго общественнаго явленія. Съ усиленіемъ реакціи прямо увеличиваются и студенческія волненія. Реакція достигла теперь своего кульминаціоннаго пункта — студенческое движеніе, какъ необходимое противодѣйствіе, дошло до *plus ultra*. Этимъ только и можно объяснить почти одновременное движеніе во всѣхъ университетахъ. Что у студентовъ всѣхъ университетовъ, за исключеніемъ мѣстныхъ требованій, дѣла и стремленія совершенно тождественны, достаточно прочесть всевозможныя петиціи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Правда, форма и предлогъ къ протесту могутъ быть въ каждомъ университетѣ своеобразны, но эта вышняя

сторона не должна заслонять собою внутреннее содержаніе студенческихъ петицій и протестовъ. Но если даже съ этой вышней стороны взглянуть на настоящія волненія, и то увидимъ въ нихъ много общаго. Всюду, какъ только въ университетѣ появлялся завѣдомый правительственный агентъ, напр., попочитель, генералъ-губернаторъ, полицеймейстеръ, — студенты приходили въ неопредѣленное смѣтеніе и при большомъ шумѣ и свистѣ гнали его вонъ; между тѣмъ ректоръ или кто-либо изъ профессоровъ, если только они ни чѣмъ не скомпрометировали себя, всегда съ большимъ уваженіемъ выслушивались. Очевидно, осмысливались не личности, а система, представителемъ которой являлся данная личность. А поводы къ волненіямъ были различны: такъ во многихъ мѣстахъ новодомъ служили Казанцы, желаніе выразить имъ сочувствіе, хотя имъ воспользовались различнымъ образомъ. Такъ, въ Одессѣ студенты потребовали, чтобы была отслужена панихида по убитымъ въ Казани студентамъ. У насъ и въ Киевскомъ университетѣ студенты воспользовались тѣмъ, что предупредительное начальство напомнило о крайнихъ мѣрахъ и строгости законовъ, а именно, въѣзди эти-то «крайнія мѣры» и т. п. — главное зло, — зло, противъ котораго студенты и борятся. Весь смыслъ студенческихъ движеній есть протестъ противъ такого государственнаго порядка, при которомъ возможны «крайнія мѣры», деморализующія прогрессивное развитіе общества.

Считаемъ необходимымъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ, совершенно оригинальныхъ дѣйствіяхъ студентовъ Петровской Разумовской Академіи. Въ своей петиціи они прямо и ясно заявили, что, такъ какъ всѣмъ понятно, съ какимъ удовольствіемъ нынѣшнее наше правительство закрыло бы всѣ высшія учебныя заведенія, и т. к. всѣ его мѣры клонятся лишь къ тому, чтобы число учащихся сократить до возможнаго minimum'a, то они сами считаютъ гораздо болѣе целесообразнымъ упразднить временно Академію, не посѣщая, до полученія отвѣта на свою петицію, лекцій. (Этой мыслью хотѣли воспользоваться наши ветеринары, но жестоко поплатились: почти треть студентовъ исключена изъ Ветеринарнаго Института и выслана). О своихъ желаніяхъ и нуждахъ они послали воззванія и просьбы во многія земства, прося земцевъ протестовать и заступиться за студентовъ; отправили письма къ редакціямъ либеральныхъ газетъ, приглашая ихъ присоединиться къ протесту студентовъ добровольнымъ прекращеніемъ своихъ органовъ, пока не будетъ дана свобода печати, какъ это давно сдѣлалъ «Порядокъ». Какъ наша петиція, такъ и петиція студентовъ другихъ университетовъ по содержанію совершенно сходны. Протестъ въ общемъ противъ безчеловѣчной политики и въ частности требованіе расширенія устава 63 года, признанія права корпоративнаго устройства студентовъ, семестральнаго устройства, права имѣть свою собственную студенческую читальню, кассу и т. д. — чисто студенческія требованія. (Между прочимъ, въ Киевѣ студенты требовали удаленія доцента Пихна, какъ завѣдомаго донощика и профана въ Политической Экономіи *). Переходя за тѣмъ къ описанію самыхъ сходокъ въ нашемъ университетѣ, я могу сказать, что у насъ собственно была одна порядочная сходка, вторая уже была деморализована массой сыщиковъ и переодѣтыхъ полицейскихъ, усѣянныхъ пропихнуть въ университетъ. А на третій день университетъ и весь дворъ были уже заняты солдатами и козаками, въ виду которыхъ и пришлось собраться части студентовъ, съ зампаніемъ сердца и въ томительномъ ожиданіи часа нападенія воинства съ прикладами и пагайками.

14 Ноября появилось предупредительное объявленіе г. попочителя. Въ этотъ же день въ 11 часовъ состоялась первая сходка въ сборномъ залѣ. Само собою разумѣется, что всѣ постороннія лица, какъ субки, были изгнаны. Сход-

ка была многочисленная. На этой сходкѣ въ общ. чертахъ обрисована была петиція, которую намѣревались подать; была избрана коммисія, которой поручили къ слѣдующему дню выработать редакцію петиціи. Кромѣ того, рѣшено было эту петицію отектографировать и разослать многимъ лицамъ, занимающимъ общественное положеніе, чтобы они такимъ образомъ ознакомились съ пущами и желаніями студентовъ.

На слѣдующій день сходка была болѣе безпорядочная, благодаря внимательству и вторженію чуждыхъ элементовъ. Въ самомъ университетѣ оказалась масса шпионовъ, снаружи университетъ былъ уже окруженъ полиціей, которая всюду шмыгала и нюхала. Какъ только началась сходка, кто-то изъ студентовъ крикнулъ: «переодѣтые полицейскіе и шпионы здѣсь!» Немедленно студенты отклонились отъ своихъ прямыхъ намѣреній. Крики: «долой шпионовъ, въ университетѣ нѣтъ мѣста для полиціи» и т. п. совершенно терялись въ общемъ шумѣ и крикѣ *). А тутъ еще явился попочитель съ своимъ крайне безтактнымъ требованіемъ «разойтись», за что и былъ весьма недружелюбно принятъ и, наконецъ, изгнанъ. Послѣ этого уже не возможно было унять возбужденную массу. Такъ и разошлись ни съ чѣмъ, утомленные, потративъ не мало силъ и энергіи. А въ слѣдующіе дни совсѣмъ не возможно было собраться. Лекціи были на нѣсколько дней прекращены и университетъ превратился въ казарму. Выбего профессоровъ и студентовъ онъ посѣщается солдатами и козаками. Какіхъ результатовъ мы добились, еще неизвѣстно. Также неизвѣстно, когда и кого будутъ судить, хотя вскорѣ состоится университетскій судъ — и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ насъ будутъ отосланы на исправленіе на родину, другіе, быть можетъ, для изученія этнографіи малозслѣдованной сѣверо-восточной окраины нашей обширной родины.

Но успокоились ли уже студенты? Едва ли возможенъ положительный отвѣтъ. Зловѣщіе слухи продолжаютъ волновать умы студентовъ. Говорятъ, что съ будущаго года плата за право слушанія лекцій увеличится до 80—100 р., и что правительство съ новымъ годомъ намѣрено поздравить насъ такимъ уставомъ, который-де сразу прекратитъ университетскую смуту и крамолу (то-то возрадуются «Моск. Вѣд.»!), однимъ ударомъ топора разрубить гордіевъ узелъ, упразднить науку и высшее образованіе въ Россіи. *Qui vivra, verra!*

ЗЕМСКІЕ ПРОЕКТЫ.

II

Новгородское Земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, рассмотрѣнныхъ въ сессію 1881 г. Новгородскаго собранія былъ вопросъ о переустройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ управленій. Для предварительной разработкы этого сложнаго вопроса была избрана коммисія, которая и внесла свое предложеніе въ Губернское Собраніе.

*) Приданіе сходкамъ студентовъ безпорядочнаго характера, вызовъ студентовъ на рѣзкости и крайности, а также на требованія, выходящія за предѣлы академической жизни, несомнѣнно входятъ въ виды той реакціонно-полицейской шайки, которая теперь окончательно захватила правительство и администрацію въ Россіи. Участіе провокаторства въ послѣднихъ студенческихъ волненіяхъ тѣмъ болѣе вѣроятно, что по поводу перваго ихъ проявленія, — противъ-полицейскихъ демонстрацій въ петербургскомъ университетѣ, — произошло нѣкоторое раздѣленіе мнѣній даже въ «высшихъ сферахъ», даже тамъ нашлись люди, которые оправдывали студентовъ къ большому перепугу Побѣдоносцевской компаніи. Теперь эта компанія, конечно, торжествуетъ и выбиваетъ себѣ капиталъ изъ студенческихъ волненій и горя сотенъ семействъ. (Ред.)

*) Нашъ кievскій корреспондентъ ничего не говоритъ объ этомъ. (Ред.)

Собрание признало, что изменение отдельных статей положений о губернских и уездных присутствиях по крестьянским делам не может дать никаких результатов, так как основная причина неудовлетворительного хода дела в этих учреждениях кроется во всей системе организации местных учреждений. Обсуждение вопроса о преобразовании местных учреждений началось с рассмотрения деятельности учреждений существующих органов крестьянского сословного самоуправления, при чем собрание пришло к заключению, что крестьянское сословное управление вовсе не имеет места для самостоятельной общественной деятельности. Все местные интересы, как, напр., народное образование, пути сообщения и т. п., имеют одинаковое значение для всех жителей данной местности, без различия сословий и все разнообразие этих интересов в разных местах России обуславливается исключительно местными особенностями и (племенным) составом местного населения, а не составным его разделением. За исключением дела по отводу надельных и составлению уставных грамот, вся деятельность органов крестьянского самоуправления сводится к выбору должностных лиц, ассигнованию им содержания, их учету и разрешению поступающих на них жалоб. Деятельность исполнительных органов, превратившихся в низшие служительные органы всевозможных ведомств и учреждений, выражается почти исключительно в исполнении разнообразных поручений земства, полиции, администрации и служебных учреждений. Между тем крестьянское управление, удовлетворяя потребности общегосударственного управления, содержится, на начало подушного деления, на средства крестьянских обществ, интересам которых оно служит всего меньше. Это последнее обстоятельство, т. е. распределение расходов по содержанию сельского и волостного управления на началах подушного деления, особенно тяжело отзывается на крестьянах, так как при этом совершенно игнорируется имущественная состоятельность отдельных лиц и не привлекаются к обложению имущества и земли, принадлежащая крестьянам на прав частной собственности, приобретенная покупкой. Между прочим, членами комиссии были приведены цифровые данные, доказывающие, что в некоторых местностях расходы по содержанию сельского и волостного управления достигают до двух рублей на крестьянскую ревизскую душу.

Приняв эти основные положения, Собрание признало необходимость уничтожения сословного крестьянского общественного управления, волостного и сельского, с передачею возложенных на них обязанностей, — по преимуществу общеземских и полицейских, — земству и, конечно, на средства всего земства. С упразднением сельского и волостного управления, само собою разумется, должны упраздниться и контролируемые их органы — Уездный и Губернский по крестьянским делам Присутствия.

Признав, что все общественные земские интересы по существу представляют интересы всего населения данной местности и

что в каждой местности существуют не только одни крестьянские общины, но и другие общественные элементы, — Собрание неизбежно пришло к заключению, что общественное управление должно быть построено на общем представительстве и на счете всех общественных элементов местности. При чем хозяйственные интересы общины должны входить в сферу деятельности общественных учреждений на столько же, на сколько имеют это право и все прочие хозяйственные интересы других местных элементов.

Говоря о передаче обязанностей органов крестьянского сословного самоуправления в руки земства, Губернское Собрание имело при этом в виду, что административная деятельность общественного крестьянского управления должна быть строго отделена от общинного хозяйственного управления.

Сельское хозяйство, по мысли законодателя, должно было представлять собою хозяйственный союз крестьян, связанных общим земельным надельом, — общину; по в действительности понятия: община, сельское общество и селение — весьма часто не совпадают между собою *), и это обстоятельство, между прочим, служило препятствием к тому, чтобы сельское общественное управление могло приобрести значение общинно-хозяйственного управления.

Большинство членов Земского Собрания признало, что форма общественного землевладения, выработавшаяся исторически у большинства русского народа и сохраняющаяся до настоящего времени, не смотря на множество неблагоприятных условий представляет единственную гарантию против величайшей опасности в будущем — образования безземельного пролетариата. В виду такого громадного значения общинного землевладения, собрание пришло к заключению о необходимости не только признания этой формы владения землею со стороны положительного закона, но и принятия особых общегосударственных мер, как для укрѣпления общинного землевладения, так и для обеспечения экономического положения членов общины. В подтверждение необходимости подобных мер со стороны правительства, указывалось на неблагоприятные условия, в которых поставлена община, окруженная представителями личной собственности. Даже в среде самих общин наиболее состоятельные члены их весьма часто владеют покупною землею и являются сторонниками личной собственности. Далее, закон, предоставляющий право отдельным хозяевам выкупать надель и всей общины переходить, при согласии $\frac{2}{3}$ домохозяев, к подворному владению, противоречит государственному значению общинного владения, вызывающему необходимость его поддержки, и должен быть

*) Для того, чтобы это, а равно и сказанное выше, было вполне понятно для наших западно-славянских читателей, мы заметим, что общину (мир) в хозяйственном отношении (с общинным землевладением и с соответственной раскладкой платежей) составляют крестьяне одного бывшего поместья (дворянского или казенного), которые получили из него земельный надел; сельское общество составлено из крестьян известной местности, преимущественно одного села (в гуще-населенных местах), — но лица не крестьянского сословия в это общество не входят. (Ред.)

отменен. Наконец, Собрание обратило особое внимание на постоянное уменьшение относительной величины земельных надельных с увеличением народонаселения, причем уменьшается соответственно и экономическая обеспеченность общинников. Многие из гласных признавали наиболее действительной мерой против этого зла организацию общинных уездных союзов, введению которых должны быть предложены вопросы о покупке земель, передаче их между общинами, переселения и т. д. При этом все общинные земли свалились бы в одно целое и в распоряжение общинных союзов передавались бы, за определенную плату в пользу государства, свободные казенные земли.

Подобная организация всего удобной, по мнению земства, разрешила бы многие вопросы об обеспечении экономического быта населения, которые особенно озабочивают в настоящее время правительство *).

Придавая такое важное значение общине, Собрание не могло игнорировать полной определенности ее юридического положения. Как известно, закон признает юридическими лицами только сельские общества, совершенно умалчивая об общинах, которая отчасти пользуется этими правами только благодаря установившемуся обычаю. Вследствие этого Собрание указало на необходимость составления нового устава для общин, как юридических лиц, на основании общинного права. Устав этот должен иметь силу закона при разрешении тех споров между членами общины и общиною, которые не могут быть разрешены обычными формами общественного суда.

Относительно волостного суда собрание высказалось: признавая, что настоящая организация волостного суда не удовлетворительна, его по необходимости должно заменить другой формой суда. Относительно необходимости организации суда собрание не признало себя компетентным, в виду того, что вопрос этот может быть решен только в будущем, когда в среде его членов будет достаточное число гласных от крестьян, единственно правоспособных для решения такого вопроса.

Высказав свои соображения об общественном владении, собрание перешло к вопросу об организации всего местного управления.

Исходя из того положения, что земство, как общественное учреждение, должно служить интересам всего населения, а не интересам каких-либо сословных общественных групп, и что предметы ведомства земских учреждений должны обнимать все местные интересы без различия сословий, Собрание признало наиболее целесообразной организацию представительства по местностям, а не от разных групп землевладения — личного и общественного **).

*) Это говорилось во время пугачевской истаковщины на тему «народной политики». Теперь эта хлестаковщина улетучилась, и мы присутствуем при правлении гр. Толстого, который ходит, что мужиками и так уже занимались больше, чем нужно было, а что община и есть явное зло в экон. и общ. жизни России. (Ред.)

**) Западно-славянским читателям напоминаю, что закон об избирательности земских дел

ранія, уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на мѣстности сообразно удобству и особенностямъ каждой отдѣльной мѣстности. Мѣстные собранія для выбора представителей мѣстности или гласныхъ въ уѣздныя собранія должны состоять изъ представителей каждой общины, изъ владѣльцевъ личной собственности поземельной и изъ всѣхъ лицъ, платящихъ въ доходъ земства опредѣленный налогъ.

Уѣздныя земскія собранія распредѣляютъ обязанности и повинности земства на общеоуѣздныя и мѣстныя и, такимъ образомъ, опредѣляются предметы вѣдомства мѣстныхъ собраній.

Разсматривая разнообразныя отрасли государственнаго и общественнаго управленія, собраніе признало крайній вредъ централизаци для удовлетворенія многихъ, чисто мѣстныхъ потребностей въ родѣ народнаго образованія, продовольствія народнаго развитія и т. п., при чемъ не возможенъ контроль общественный, представляющій единственную гарантію противъ злоупотребленій исполнительныхъ органовъ. Кроме того, существующій порядокъ, при которомъ многіе предметы вѣдомства земскихъ учреждений, переданные имъ попеченію, вмѣстѣ съ тѣмъ остаются въ завѣдываніи разнообразныхъ правительственныхъ учреждений и властей, неизбежно влечетъ за собой полную безотвѣтственность и безплодныя пререканія, крайне вредно отражающіяся на ходѣ всѣхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого, собраніе признало, что земскія учрежденія должны удовлетворять всѣмъ потребностямъ мѣстнаго управленія и обнимать всѣ интересы мѣстности. Кругъ вѣдомства земскихъ учреждений долженъ быть точно опредѣленъ закономъ—и въ предѣлахъ своего вѣдомства, земскія учрежденія должны пользоваться полною самостоятельностью; заботы о благоустройствѣ, предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, кроме общегосударственныхъ, должны быть ввѣрены также земскимъ учрежденіямъ, которыя завѣдывали бы организаціей губернской и земской полиціи.

Земство, обязанное принимать мѣры для развитія народнаго благосостоянія, по благоустройству общественной и личной безопасности, вмѣстѣ съ тѣмъ является отвѣтственнымъ передъ государствомъ за исправное поступленіе всѣхъ прямыхъ налоговъ, слѣдующихъ въ доходъ государственнаго казначейства. Государственные налоги должны распредѣляться вмѣстѣ съ губернскимъ земскимъ сборомъ по уѣздамъ; затѣмъ уѣздныя собранія или мѣстные сходы распредѣляли бы причитающуюся сумму налоговъ между прямыми плательщиками на общихъ основаніяхъ, принятыхъ для раскладки земскаго сбора. Изъ всѣхъ постановленій должны дѣлаться ежемѣсячныя отчисленія въ государственное казначейство въ счетъ уплаты государственныхъ налоговъ.

По отношенію къ выкупнымъ платежамъ Собраніе признало единогласно, что размѣръ

выкупныхъ платежей за землю, отведенную въ надѣлъ крестьянамъ, не соответствуетъ ни платежнымъ силамъ населенія, ни доходности надѣльной земли, и вслѣдствіе этого основная задача реформы 1861 года—обеспечить быть крестьянъ—представляется невыполненною. Что же касается до мѣръ врачеванія этого зла, то собраніе признало, что въ такомъ важномъ вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ благосостояніе большинства населенія, паллиативныя мѣры не могутъ дать желаемыхъ результатовъ. Необходимы радикальныя мѣры для того, чтобы предупредить обнищаніе и распадъ крестьянской общины. По мнѣнію Собранія, мѣры эти заключаются въ слѣдующемъ: оброчная подать государственныхъ крестьянъ и часть выкупныхъ платежей, соответствующая величинѣ оброчной подати, должны быть причислены къ общегосударственнымъ доходамъ и распределены на всѣ предметы обложенія на указанныхъ выше основаніяхъ. Затѣмъ капиталный долгъ по выкупной операціи долженъ быть причисленъ къ общимъ государственнымъ долгамъ и подлежать погашенію на общихъ основаніяхъ. Выкупленные, такимъ образомъ, земли поступаютъ въ пользованіе общины на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, на которыхъ предоставлены надѣлы государственнымъ крестьянамъ, т. е. безъ права выкупа въ личную собственность.

При преніяхъ, въ доказательство необходимости подобныхъ мѣръ, между прочимъ, говорилось: что въ настоящее время фактически крестьянамъ въ надѣлъ земли превышаютъ ихъ доходность и платежныя силы большинства населенія. Естественнымъ слѣдствіемъ необеспеченности массы земледѣльческаго населенія является неудовлетворительное состояніе государственныхъ финансовъ, что отражается на интересахъ всѣхъ жителей государства.

Такимъ образомъ въ интересахъ, какъ государства, такъ и частнаго каждаго лица,—поставить земледѣльческое населеніе въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы улучшить свое экономическое положеніе.

Между прочимъ, на собраніи заявлялось также, что даровая раздача крестьянамъ отъ государства земли, которая имѣетъ дѣйствительную цѣнность только для лицъ, имѣющихъ возможность приложить къ ней свой трудъ, по существу не представляетъ ничего ненормальнаго, и если въ былыя времена земли раздавались государствомъ дворянскому сословію, то отчего же не раздавать ихъ другому сословію, занимающемуся исключительно земледѣліемъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

I.

Почти всѣ вопросы политической жизни государства нашего времени сводятся къ вопросу о самоуправленіи, который распадается на два главныхъ подраздѣленія: самоуправленіе общегосударственное и самоуправленіе мѣстное. Въ цивилизованныхъ странахъ теперь нѣтъ сколько нибудь развитыхъ людей, которые бы не признавали хотя

въ какой бы то ни было долѣ необходимости участія въ завѣдываніи общественными дѣлами того, что когда то называлось «ограниченнымъ умомъ подданныхъ», и если есть въ нихъ еще государственные мужи, которые сомнѣваются въ способности этого ума справиться съ вопросами «вышей» политики, особенно въ дѣлахъ иностранныхъ, то въ самихъ странахъ, гдѣ эти сомнѣнія выражаются государственными мужами съ наибольшею откровенностью,—гранничашею съ пагlostію,—уже никто не смѣетъ отрицать способности «ограниченнаго ума подданныхъ» управляться съ дѣлами имъ близкими, мѣстными. Въ пользу необходимости, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправленія говоритъ теперь даже желаніе высокихъ политиковъ сбыть съ себя обузу «мелочей», сберечь расходы на мелкое чиновничество,—если уже не сомнѣніе въ томъ, что люди чиновническаго ремесла и промысла въ состояніи такъ вести дѣла общественной жизни, чтобы мѣстности могли по крайней мѣрѣ доставлять государству средства для достиженія его высокихъ цѣлей, не говоря уже о жизни этихъ мѣстностей для самихъ себя. Вотъ почему даже въ такой странѣ плохо скрываемою политической диктатуры, какъ Пруссія, въ послѣднее время вырабатываются и осуществляются проекты мѣстнаго самоуправленія, которымъ могутъ позавидовать централизованныя парламентскія государства и республики, въ родѣ французской.

Въ нашемъ отечествѣ уже одно пространство, при невѣжествѣ и хищническихъ привычкахъ класса чиновническаго промысла,—который, классъ, столь не похожъ на бюрократію прусскую,—придаетъ вопросу о самоуправленіи, по крайней мѣрѣ мѣстному, особенную важность. Не знаемъ даже нужно ли какому нибудь подданному російскаго государства доказывать неспособность названнаго класса къ веденію какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлъ, послѣ того какъ сами верхушки этого класса, при всей ограниченности ихъ разума,—фатально обусловливаемой тѣснотою ихъ сферы наблюденія и ослабленіемъ способностей къ этому наблюденію на той высотѣ, на какой они рождаются, растутъ и правятъ,—сознались недавно по крайней мѣрѣ въ одной слабости нашего чиновническаго класса: въ хищеніи. Но если бы кому нибудь нужно было доказывать всѣмъ намъ извѣстныя вещи, тому совѣтуемъ обратиться къ документамъ за первое время послѣ введенія въ Россію земскихъ учреждений, къ отчетамъ этихъ послѣднихъ о томъ, въ какомъ видѣ они застали ту часть общественныхъ дѣлъ, какаго только отведена была въ ихъ завѣдываніе. По этимъ отчетамъ, особенно для умѣющаго читать ихъ, области общественной жизни, находящіяся въ рукахъ людей чиновническаго промысла, представлялись точно претерпѣвшими непріятельское нашествіе. Въ одномъ мѣстѣ земство, взаимнѣ хлѣбныхъ магазиновъ, находило гнилые и пустые амбары; въ другомъ совсѣмъ не находило куда то пропавшихъ и уже забытыхъ населеніемъ школъ, значившихся въ отчетахъ и ежегодно получавшихъ деньги на содержаніе. Тамъ куда то исчезъ мостъ, ежегодно исправляемый; здѣсь—больница. Докладъ Чердынской уѣздною управы такъ описывалъ

товъ (гласныхъ) въ Россіи похожъ на австрійскій избирательный законъ: гласные избиратели отъ крупныхъ и меньшихъ землевладѣльцевъ, большая часть дворянъ (отъ первыхъ прямо, отъ другихъ косвенно), отъ городовъ (по имущ. цензу) и отъ сельскихъ обществъ. (Ред.)

пріемъ въ свои руки предметовъ своего вѣденія: «заглянули въ магазины: въ одномъ совершенно пусто, въ другомъ извѣденныя крысами какіе то тюки. Справляются: оказывается, что это опечатанное имущество какихъ то бѣглыхъ раскольниковъ. Вскрываютъ: взаимныя имущества — гнѣздо крысъ. Хлѣба, значащагося въ отчетахъ,—ни зернушка. Продовольственные капиталы оказались фикціей, обмѣненіе полей фикція, медицина — тоже. Если же гдѣ больницы не оказались фикціей, то служили пугаломъ, считаясь предверіемъ кладбищъ».

Прекрасно сознавая такое положеніе дѣлъ въ рукахъ чиновничества, всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только заговорено было о реформахъ въ прошлое царствованіе, тотчасъ же высказались противъ чиновническаго управленія—за самоуправленіе, за земство. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, умѣстно напомнить, что въ то время, т. е. въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ словомъ земство разумѣлось нѣчто гораздо болѣе широкое, чѣмъ земскія учрежденія, дарованныя Положеніемъ 1864 г. И тогдашніе консерваторы, т. е. помѣщики-крѣпостники, и тогдашніе прогрессисты, т. е. сторонники эмансипаціи крестьянъ съ возможно широкимъ выкупомъ для нихъ земли, желали такого рода земскихъ учрежденій, при которыхъ бы въ руки выборныхъ людей передались были не только такъ называемыя хозяйственныя дѣла уѣздовъ и губерній, но и ихъ администрація.*)

Какъ извѣстно, вышла иначе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. далеко не дало того, что требовало общественное мнѣніе; относительно участія въ мѣстной администраціи, а также въ отношеніи права ходатайствованія о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшимъ правительствомъ Положеніе 1864 г. дало всесословному земству даже менѣе правъ, чѣмъ давала дворянскому сословію грамота Екатерины II, — такъ что въ этихъ отношеніяхъ земское Положеніе было рѣшительнымъ шагомъ назадъ.

Правда, за то оно установило въ Россійской имперіи первый опытъ всесословнаго

представительства и общало для него самостоятельность дѣйствій хотя бы и въ тѣсномъ кругѣ дѣлъ. Еще съ 1859 г. правительство въ своихъ распоряженіяхъ относительно образованія комиссій для пересмотра положеній и выработки проектовъ устройства полицейскихъ, мировыхъ и земскихъ учрежденій общало образованіе, по крайней мѣрѣ, «хозяйственнаго» управленія въ уѣздахъ, основаннаго на выборномъ началѣ, вполне «самостоятельнаго». Объяснительная записка, приложенная къ проекту земскихъ учреждений, говорила, что задачей проекта было «по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія». Фраза о томъ, что «земское управленіе есть только особый органъ государственной власти и отъ нея (?) получаетъ всѣ права и полномочія», — никакъ не предвѣщала того отношенія представителей правительства къ земству, какъ къ едва терпимой и даже подлежащей военнымъ дѣйствіямъ сторонѣ, какое показала намъ практика,—она скорѣе обѣщала распространеніе круга дѣйствій земствъ и на администрацію, т. е. собственно на «управленіе». Далѣе проектъ говорилъ такія сладкія рѣчи: «земскимъ учрежденіямъ должна быть ввѣрена самостоятельная власть въ заведываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ». «Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстныхъ интересовъ, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, прямомъ ея внимательствѣ и вліяніи на ходъ дѣла. Опытъ показываетъ, что во многихъ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства прямое участіе двухъ различныхъ по началу своему властей приноситъ мало полезныхъ результатовъ и ведетъ къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія на ходъ дѣла или къ пререканіямъ и взаимному противудѣйствію органовъ той или другой власти». Само Положеніе 1864 г. въ подробностяхъ оказалось вовсе не такъ сладкимъ для «власти» даже хозяйственныхъ выборныхъ учрежденій въ уѣздахъ и губерніяхъ, такъ какъ имъ почти на каждомъ шагѣ положенъ предѣлъ въ лицѣ представителя «другой власти», — губернатора, но все же говорило, что «земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ самостоятельно», — а правительство устало своихъ официальныхъ органовъ, — «Сѣверной Почты» и даже губернаторовъ, — успокаивало возникшія опасенія указаніемъ на то, что новыя учрежденія только опыты, какъ бы школа представительства и намекало на ихъ расширеніе. При открытіи перваго земскаго собранія въ Петербургѣ представитель правительства говорилъ: «Руководитесь вѣрою въ того, кто совершилъ освобожденіе крестьянъ и ввелъ судебную реформу, кто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даровалъ отечеству путемъ послѣдовательныхъ преобразованій тѣ благодѣянія, которыя многія государства пріобрѣли годами тяжкихъ несправедливостей».

Первые избиратели земскихъ представителей и относились съ довѣріемъ къ новымъ учрежденіямъ, избравъ въ нихъ дѣйствительно лучшихъ людей изъ тѣхъ категорій населенія, которыя поддежали избранію, — а выбранные гласные принимались съ горячимъ усердіемъ за ввѣренные имъ дѣла, отложивъ въ сторону мысль о расширеніи круга этихъ

дѣлъ и оставивъ безъ вниманія всѣ зловѣщіе признаки, какіе можно было усмотрѣть въ редакціи земскаго Положенія. Но и въ такомъ скромномъ своемъ видѣ дѣятельность земскихъ людей оказалась страшною для людей чиновническаго промысла, низшихъ и высшихъ, — и они съ перваго же разу принялись за борьбу противъ земскихъ учрежденій всеми возможными способами. Въ борьбѣ этой верховная власть приняла*) сторону чиновничества—и земскіе люди оказались разбитыми. Вмѣстѣ съ ними оказалась разбитой, конечно, и сама страна, какъ это знаменуетъ повсемѣстнымъ ея обѣднѣніемъ, при постоянномъ возрастаніи государственныхъ расходовъ. Лучшимъ показателемъ той роли, какую играютъ въ этомъ обѣднѣніи люди чиновническаго промысла, служитъ то обстоятельство, что, несмотря на всѣ реформы, которыя, по вѣдомому, должны бы были сократить расходы на содержаніе этихъ людей, такъ какъ имъ должны бы были сокращать ихъ компетенцію, — расходы на бюрократію въ Россіи не уменьшились, а увеличились почти вдвое. Такъ, напр., министерство государственныхъ имуществъ потеряло всякое почти значеніе послѣ выхода изъ его вѣденія государственныхъ крестьянъ, — а между тѣмъ бюджетъ его увеличился съ 9 милліоновъ на 11; бюджетъ губернскихъ правленій, передавшихъ земству поначалу о народномъ хозяйствѣ, а судамъ многія другія изъ прежнихъ дѣлъ, — увеличился болѣе, чѣмъ вдвое: съ 1.394.000 до 2.862.000 р., бюджетъ полиціи съ 4¹/₂ милл. до 10¹/₂ милл. и т. д. Цифры эти показываютъ, что новыя учрежденія, въ томъ числѣ и земскія, сопровождались не уменьшеніемъ, а увеличеніемъ приказнаго элемента. Понятно, что элементъ этотъ уже не чувствовалъ самосохраненія долженъ былъ вступать въ борьбу съ новыми выборными учрежденіями, и постараться отнять у нихъ и ту долю жизни, какая была отведена имъ Положеніемъ 1864 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ поглотить имъ приносить ту долю пользы странѣ, какую они могли приносить и при тѣхъ старыхъ правахъ, какія за ними были признаны закономъ. Законодатель же, — если только въ Россіи можно говорить о какомъ либо законодателѣ, видѣ того же самаго приказнаго элемента, — игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ самую позорную роль: онъ шелъ по слѣдамъ приказнаго элемента, искажая въ угоду ему самымъ же имъ созданнымъ законамъ, которые должны были создать въ странѣ рациональное управленіе, основанное на выборномъ началѣ отъ всѣхъ сословій.

Исторіи этой борьбы приказнаго элемента съ выборными отъ всѣхъ сословій земскими учрежденіями и поддержкѣ, какую высшая правительственная власть, законодательство, оказывала приказному элементу въ этой борьбѣ, и будутъ посвящены очерки, которые мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей.

II.

Двуличное отношеніе высшаго правительства къ созданнымъ имъ земскимъ учрежденіямъ 1864 г. проявилось съ самаго начала, съ самой редакціи проекта Положенія объ этихъ учрежденіяхъ. Такъ, уже въ объяснительной запискѣ къ этому проекту, на рѣ-

*) Какъ и слѣдовало ожидать. (Ред.)

*) Насъ бы далеко завело подробное разсмотрѣніе того, чего ждало общество въ Россіи отъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы ограничимся здѣсь напоминаніемъ заявленій и ходатайствъ, состоявшихся въ 1859—60 гг. со стороны лицъ и корпорацій, далеко не крайнихъ. Такъ, 16 октября 1859 г. пять дворянскихъ депутатовъ въ редакцію крестьянскому вопросу комиссіи подали адресъ, въ которомъ, между прочимъ, желали «образованія хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ», и какъ необходимаго къ нему дополненія, «содчиненія мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ» (гласнымъ съ присланными), а также свободы печати», чтобы «дать возможность обществу доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія». Подобнаго рода желанія заявили вслѣдъ за тѣмъ губ. дворянскія собранія Ярославское, Нижегородское и Владимирское. Петербургское собраніе 1860 г. отвѣтило на заявленный въ газетахъ проектъ правительства о преобразованіи уѣздной полиціи на чисто бюрократическихъ началахъ, — вмѣсто выборнаго, хотя и сословно-дворянскаго, — адресомъ, въ которомъ замѣтило, что оно стоитъ не за сословный, но за выборный принципъ, и въ этомъ смыслѣ «желаетъ сохраненія и правильнаго развитія, подъ покровительствомъ самодержавной власти, издревле существовавшаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправления».

ду съ выше приведенными фразами о государственномъ значеніи земскихъ учреждений, столтъ такіа тенденціи: «Что касается до отношенія земскихъ учреждений къ прочимъ существующимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ, то земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, очевидно не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ губернскихъ или уѣздныхъ инстанцій», или даже: «Земскія учрежденія, подчиняясь общимъ законамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ различныя общества и частныя лица *), имѣютъ только право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій со стороны административныхъ правительственныхъ органовъ». Такія сентенціи уже напередъ отдавали распоряженія земскихъ учреждений, на которыя правительство взвалило цѣлый рядъ обязанностей и обще-государственныхъ расходовъ, по которымъ Положеніе 1864 г. лишило своей собственной исполнительнѣйшей власти, на усмотрѣніе «правительственныхъ инстанцій» и лишило ихъ всякаго авторитета. Совершенно послѣдовательно этимъ сентенціямъ было издано распоряженіе 19 сентября 1869 г. (Высочайше утвержденное Положеніе комитета министровъ), имѣвшее по видимому частное значеніе (лишеніе земскихъ учреждений права безплатной разсылки корреспонденціи по почтѣ), но мотивированное съ явнымъ умысломъ общаго приниженія земскихъ учреждений въ ряду публичныхъ учреждений государства: корреспонденціи земскихъ учреждений отказано было въ правахъ корреспонденціи учреждений правительственныхъ на томъ-де основаніи, «что земскія учрежденія, ни по составу своему, ни по основнымъ началамъ, не суть власти правительственныя».

Это распоряженіе имѣло въ числѣ своихъ практическихъ послѣдствій освищеніе того пренебрежительнаго отношенія къ земскимъ учреждениямъ и той борьбы противъ ихъ дѣйствій, какую вело чиновничество «правительственныхъ инстанцій» и для которой высшая бюрократія, составившая Положеніе 1864 г., имѣла сильныя орудія не только въ видѣ правъ губернаторовъ останавливать рѣшенія земскихъ собраний, нохъ предложомъ ихъ противузаконности и несогласія съ «общими государственными пользами» (понятіе крайне растяжимое!), но и внутри самихъ собраний въ видѣ председателей, отъ сѣмства независимыхъ и часто ему совершенно постороннихъ, чиновниковъ правительственныхъ. Уже самое назначеніе по Положенію 1864 г. въ всесословныя земскія соборія председателими предводителей дворянства или другихъ лицъ, которые специально могли быть назначены для этого правительственною властію, было нарушеніемъ принципа какъ всесословности земскихъ собраний, такъ и ихъ самостоятельности. Но и на этомъ дѣло не стало. Черезъ три года послѣ опубликованія Положенія издано въ разъясненіе 84-ст. Положенія Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (13 іюня 1867 г.), о правахъ и обязанностяхъ председателей земскихъ собраний, превратившее этихъ председателей изъ распорядителей формальной

стороной преній въ прямую власть надъ собраніемъ. Постановленіемъ этимъ на председателя возложено право и даже обязанность судить о согласіи и несогласіи съ законами и предѣлами круга вѣденія земскихъ учреждений рѣчей и предложеній членовъ собраний, останавливать эти рѣчи и предложенія, отнимать слово у членовъ, уклоняющихся отъ уваженія къ закону и даже закрывать собраніе при безусыбности напоминаній председателя о нарушеніи членами соборія порядка, — такъ широко понимаемаго.

Мы не станемъ напоминать здѣсь примѣровъ того, какъ въ 1878—1880 гг. независимые отъ земскихъ собраний и даже начальствующие надъ ними председатели останавливали высказываніе соборіями истинныхъ мыслей населенія о направленіи общей внутренней политики, столь гибельной для страны, — а ограничимся указаніями на примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, какъ положеніе о председателяхъ земскихъ собраний парализируетъ самыя скромныя, чисто хозяйственныя функціи земствъ и какихъ злоупотребленій оно служитъ источникомъ.

Въ послѣдній осенній сборъ земскаго соборія въ Валдаѣ, тверск. губ., произошла цѣлая исторія изъ за поискъ законнаго председателя соборія. Въ валдайскомъ уѣздѣ выборы предводителя дворянства, состоявшіеся въ 1880 г., были кассированы сенатомъ, а новый выборъ (въ іюнѣ 1882 г.) еще не утвержденъ, и пока должность предводителя временно занималось лицомъ, которое не явилось на земское собраніе по болѣзни. 6-го октября 1882 г. сошлось земское собраніе и стало гадать, кто имъ долженъ председательствовать. Порѣшили, что мѣсто предводителя долженъ занять засѣдатель дворянской опеки, каковой и сталъ председательствовать въ земскомъ соборіи. Но на пятый день на председательское кресло явился новый претендентъ: второй кандидатъ въ предводители на послѣднихъ выборахъ. Озадаченное собраніе отправило дѣлену къ губернатору съ вопросомъ, — кто долженъ въ немъ председательствовать? На 7 денешъ отвѣта не послѣдовало, — а время шло. Тогда собраніе, опасаясь, что бесполезно истечетъ срокъ его созыва, проситъ снова засѣдателя дворянской опеки занять председательское мѣсто. Но едва тотъ согласился и работы соборія возобновились, получила телеграмма отъ губернатора съ предложеніемъ закрыть собраніе и созвать его въ новый срокъ. Собраніе рѣшаетъ, что управа не имѣетъ права закрывать его, и постановляетъ продолжаться. На другой день получился новая денеша губернатора о назначеніи вышеупомянутаго кандидата исправляющимъ должность предводителя. Такимъ образомъ, у соборія оказался законный председатель, — по приключенію на этомъ не кончилось: губернаторъ пригласилъ собраніе вновь пересмотрѣть дѣла, обсужденныя въ четыре дня председательства засѣдателя дворянск. — на что собраніе, въ виду краткости оставшагося ему срока до закрытія, не согласилось, — что, конечно, даетъ поводъ губернатору опротестовать всѣ постановленія этого времени. Послѣ всѣхъ описанныхъ приключеній, рѣшительно невозможныхъ ни въ одномъ представительномъ соборіи въ

цивилизованномъ мірѣ, валдайское земское собраніе постановило ходатайствовать о предоставленіи земскимъ соборіямъ выбирать себѣ председателей изъ своей среды.

Въ Корсунскомъ уѣздѣ, симбирской губ. обязательное председательство предводителя дворянства въ земскомъ соборіи было источникомъ долгихъ злоупотребленій. Еще въ 1865 году въ земскую управу выбрапъ былъ г. Бестужевъ, бывшій вмѣстѣ и предводителемъ. Совмѣстительство это продолжалось до 1878 г., когда въ управѣ обнаружены были безпорядки не только въ дѣлопроизводствѣ, но и въ денежныхъ дѣлахъ. Председатель-предводитель употребилъ свои права на преніи кѣ раскрытію его злоупотребленій и, когда, наконецъ, дѣло дошло до сената, то послѣдній отрѣшилъ его отъ должности предводителя, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе по должности председателя управы и сдѣлалъ ему выговоръ «за учиненные имъ безпорядки въ земскомъ соборіи, дошедшіе чуть не до драки». Въ Вятскомъ земскомъ соборіи председатель, управляющій государственными имуществами, покровительствуя своему подчиненному, представителю вѣдомства государственныхъ имуществъ, допустилъ ему подачу особаго мнѣнія, наполненнаго самыми оскорбительными заявленіями относительно соборія. Когда оскорбленные гласные подали свое заявленіе по этому поводу, то председатель не допустилъ его къ прочтенію, сдѣлалъ предостереженіе желавшимъ говорить о заявленіи и даже грозилъ административною расправою надъ подписавшимъ его.

Но даже подобныя факты блѣднѣютъ по сравненію съ тѣмъ, что позволяли себѣ дѣлать по отношенію къ земству губернаторы.

3. С.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ?

(Окончаніе).

Показавъ въ предыдущей статьѣ, что политическая свобода *) сама по себѣ не въ состояніи обезпечить странѣ самоуправленія и что этого не могутъ также сдѣлать никакія мѣры, клонящіяся къ уменьшенію числа или увеличенію стойкости политическихъ партій и парламентскихъ группъ — просто потому, что подобныя мѣры невозможны — намъ предстоитъ теперь рассмотреть другія средства, предлагаемыя противъ недостатковъ современнаго представительнаго правленія.

Мы уже сказали, что средства эти, по мнѣнію Laveleye, могутъ быть двоякаго рода: децентрализація и независимость министровъ отъ палаты.

«Чѣмъ уже сфера дѣятельности центральной власти, говоритъ Laveleye, тѣмъ, очевидно, меньше будетъ зло отъ неустойчивости министерствъ и некомпетентности камеръ. Можно даже сказать, что децентрализація есть форма, припеющая демократіи. Если логически провести ее до конца, то можно, пожалуй, безъ особенныхъ неудобствъ, дойти и до примаго участія народа въ законодательствѣ, какъ въ

*) Курьезная оговорка: какъ будто «правительственные инстанціи» не подчиняются (конечно, въ теоріи) общимъ законамъ?

*) Здѣсь говорится о «политической свободѣ», централизованныхъ конституціонныхъ государствахъ и, конечно, не о той, которую Прудонъ называлъ «анархіей» и которая составляетъ идеалъ федерализма и децентрализаціи.

демократіяхъ древней Греціи или въ альпійскихъ кантонахъ Швейцаріи, и учредить референдумъ, т. е. право признанія и непризнанія народомъ законовъ, вотируемыхъ его представителями. Крестьянство, неспособный заправлять общей политикой страны, можетъ съ полнымъ успѣхомъ принимать участие въ администраціи своей деревни. При такомъ порядкѣ нечего бояться всемірной революціи. Правительство въ этомъ случаѣ является какъ бы существомъ адефаличнымъ (безголовымъ): политическая жизнь разлита всюду, но она нигдѣ не сосредоточена. Такъ какъ всякая часть государства (область, провинція или національная группа) имѣетъ свои особые тенденціи, то никогда одна и та же лпхорядка не можетъ охватить всего государства. Роль національных собраний при децентрализациі такъ скромна, что едва замѣчаешь ихъ существованіе... Въ государствахъ, гдѣ, рядомъ съ демократіей, существуетъ централизациа, всѣ крпчатъ въ одинъ голосъ (!) о необходимости ограничить права центральной власти и увеличить права общинъ и провинцій... Но реформа, всѣмъ восхваляемая, шикѣмъ не приводится въ исполненіе. Почему? Потому что господствующей партіи пришлось бы позволить своимъ политическимъ врагамъ властвовать въ извѣстныхъ мѣстностяхъ государства.... Идеаль якибинцевъ, единая и нераздѣльная республика, долженъ бы превратиться въ федерацію областей или даже общинъ, значительное число которыхъ управлялось бы тогда тѣмъ, что принято называть «реакціей». Этого приблизительно хотятъ крайніе экономисты (*économistes à outrance*) и коллективисты (?). Но федерализмъ, раздавленный въ 1793 г., теперь далеко еще не накапунѣ своего торжества. Поищемъ по этому (!) другому средству—въ преобразованіи административнаго механизма».

«По Торнтону, министру не нужно имѣть своей собственной политики, которую онъ обыкновенно старается цавязать палатѣ. Ему слѣдуетъ ограничиться простымъ исполненіемъ воли камеръ. Онъ долженъ избѣгать ставить по всякому поводу вопросы, влекущіе за собой *vote de confiance*, и можетъ выходить въ отставку только по формальному голосованію палаты, требующему его удаленія. Кроме того, между отдѣльными министрами не должно быть никакой солидарности: каждому изъ нихъ необходимо нести отвѣтственность только за свое вѣдомство. Нужно, чтобъ министры прсвратились въ простыхъ начальниковъ бюро, а завѣдываніе высшей политикой перешло всецѣло въ руки парламента».

«Система эта можетъ дать довольно хорошіе результаты въ конституціонной монархіи, гдѣ монарху принадлежитъ еще исполнительная власть, но въ демократической республикѣ она привела бы къ безсилію. Импровизованныя рѣшенія и постоянныя противорѣчія палатъ, оставленныхъ безъ руководства, скоро подорвали бы кредитъ и подобнаго министерства».

«Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки съ успѣхомъ практикуется другое средство для избѣжанія парламентской неурядицы. Тамъ министры назначаются президентомъ, они не зависятъ отъ палатъ и не имѣютъ даже права участвовать въ ихъ засѣданіяхъ. Палаты

и—министры—двѣ совершенно различныя сферы, не оказывающія другъ на друга никакого вліянія. Голосованіе парламента не можетъ вызвать паденія министерства».

«Выгоды такого порядка очевидны. Президентъ можетъ выбирать въ министры людей наиболѣе способныхъ (?), не стѣсняясь политическими соображеніями, а министры, которымъ нѣтъ нужды заниматься интригами для охраненія за собой большинства въ палатѣ, получаютъ возможность посвящать все время дѣламъ своего вѣдомства и разсчитывать на четыре и даже на восемь лѣтъ (если опять будетъ избранъ тотъ же президентъ) дѣятельности—время достаточное для успѣха разнаго рода начинаній. Самодержавіе народа проявляется въ Соединенныхъ Штатахъ лишь періодически, и тогда оно бываетъ полное, безконтрольное: самъ народъ назначаетъ всѣхъ своихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторыми общественными службами—напримѣръ, народнымъ просвѣщеніемъ—завѣдуютъ не министры, но особаго рода высшія административныя лица, выбираемые то всеобщей подачей голосовъ, то парламентомъ, но всегда пользующіяся извѣстнаго рода несмѣняемостью»...

«Большое государство врядъ ли согласится быть вѣчно игрушкой въ рукахъ неустойчивыхъ парламентскихъ группъ—тѣмъ болѣе, что такой режимъ, ослабляя страну во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ ея внѣшней политикѣ, ставитъ ее въ опасное положеніе по отношенію къ другимъ, лучше управляемымъ государствамъ. Учрежденія сама демократическія въ состояніи обезпечить миръ внутренній и внѣшній, но только при соблюденіи извѣстныхъ условій, примѣромъ которыхъ могутъ служить совершенно децентрализованная федерація швейцарскихъ кантоновъ и Соединенные Штаты Америки, гдѣ министры ничего не имѣютъ общаго съ парламентомъ».

Laveleye человекъ безспорно талантливый. Многія его изслѣдованія посвяты научный характеръ и замѣчательны по эрудиціи автора, но онъ обладаетъ удивительной способностью уклоняться и увлечь иногда отъ выводовъ, прямо вытекающихъ изъ его же собственныхъ посылокъ, когда выводы эти почему нибудь противорѣчатъ его ничѣмъ непоколебимому консерватизму. Такъ, напримѣръ, противно манчестерцамъ, онъ не считаетъ существующіи экономическія отношенія «неизмѣнными законами природы» и допускаетъ возможность измѣненія ихъ къ лучшему самимъ обществомъ. Въ своихъ *Eléments d'économie politique* (1882) онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Какимъ образомъ люди должны организоваться или, другими словами, какіе законы они должны принять, чтобъ, при помощи труда, достигнуть самаго полного и рациональнаго удовлетворенія своихъ нуждъ,—такова задача, рѣшенія которой ищетъ политическая экономія». И далѣе: «Политическая экономія не есть точная наука, потому что она занимается изученіемъ потребностей человека, которые постоянно измѣняются, и его поступковъ, которые свободны». Исходя изъ такой широкой постановки (подъ ней подписался бы и социальность-революціонеръ), Laveleye долженъ бы былъ, казалось, придти

и къ не менѣе широкимъ выводамъ въ просьбѣ о томъ, какъ практически помочь рабочимъ классамъ въ ихъ пуждѣ, предложить хоть что нибудь въ родѣ законовъ, регламентирующихъ рабочую плату, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ социальность-консерваторъ Родбертусъ. Но Laveleye, забывавъ свое опредѣленіе политической экономіи, вдругъ перестаетъ быть катедеръ-социальностью и становится настоящимъ манчестерцемъ. Онъ пахидитъ, что всякая благотворительность только развращаетъ бѣдняковъ, пріучая ихъ къ бѣдности; что коммунизмъ — какъ сказалъ Прудонъ—«ведетъ къ отвращенію отъ труда и жизни, къ уничтоженію мысли, къ подавленію личности»; что коллективизмъ и организація труда государствомъ — тотъ же коммунизмъ; что кооперація и ремесленные союзы (*trade-unions*) не состоятельны, потому что рабочие не способны завѣдывать большими промышленными предпріятіями; что стачки только приносятъ вредъ и что для рабочихъ возможенъ лишь одинъ выходъ изъ нужды: сбереженіе. Но тутъ необходима цитата: «Намъ скажутъ: вы проповѣдуете сбереженіе тѣмъ, которые, по вашему же собственному сознанию, лишены необходимаго; это злая насмѣшка. — Они лишены необходимаго, правда; и, однако, сколько тратятъ они денегъ на вредные для нихъ предметы роскоши, на алкоголь и табакъ! Еслибъ рабочие сберегали огромныя суммы, расходующія или на одуряющіе ихъ спиртные напитки, то въ двадцать лѣтъ они могли бы купить всѣ мануфактуры, въ которыхъ они теперь работаютъ (*Eléments d'économie politique* стр. 173—174)».

По истинѣ смѣшно, чтобъ не сказать болѣе...

Точно также Laveleye увлеченъ и въ статьѣ, трактующей о необходимости реформы парламентскаго правленія. Показавъ весьма убѣдительными разсужденіями и примѣрами выгоды и необходимость децентрализациі, онъ неожиданно заявляетъ, что «федерализмъ, раздавленный въ 1793 г., теперь далеко еще не накапунѣ своего торжества» и что, поэтому, остается только заняться реформой администраціи *) и указывать, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на Соединенные Штаты Америки съ ихъ несмѣняемыми, непарламентскими министрами **). Какъ будто Соединенные Штаты государства не федеративное и не децентрализованное! Какъ будто учрежденіе въ централизованной Франціи (а ее то Laveleye и имѣетъ главнымъ образомъ въ виду въ своей статьѣ) такого независимаго отъ палатъ министерства, которое существуетъ въ децентрализованныхъ Штатахъ Америки, не было бы еще большимъ успѣхомъ и безъ того уже чрезмѣрной власти централизованнаго

*) Тутъ онъ слѣдуетъ примѣру извѣстнаго итальянскаго государственнаго дѣятеля, Минетти, по поводу книги котораго, *I partiti politici et la ingegneria loro nella giustizia e nell'amministrazione* (Политическія партіи и вѣдательство ихъ въ судебныя дѣла и въ администрацію), написана статья Laveleye, какъ это видно изъ ея подзаглавія.

**) Чрезмѣрная власть президента, выражающаяся, между прочимъ, въ произвольномъ назначеніи министровъ (причемъ выборъ часто падаетъ не на наиболѣе достойнаго, а на человѣка съ своей партіи), есть одинъ изъ недостатковъ сѣвероамериканской конституціи.

правительства! Или для Laveleye политическая свобода — вещь второстепенная, и вся суть заключается в упрочении министров и правительственной машины? Но в таком случае самым простым решением было бы введение порядков, приближающихся больше или меньше к китайскому или русскому мандаринству, где все отличается такой идеальной несмѣняемостью...

Есть еще один пункт первостепенной важности, передь которым, как передь вопросом о централизации, несмѣняемость министров, столь дорогая сердцу Laveleye, отходить далеко на задний план — пункт, лишь мимоходом затронутый Laveleye и потому совершенно упущенный им из виду. Дело идет о *mandat impératif* — о наказе или обязательном поручении, даваемом избирателями своему депутату. Сам Laveleye обратил наше внимание на то, что абсолютная свобода депутатов в Италии и во Франции, где они не связаны с избирателями никакими обязательствами (в родѣ платформы и *mandat impératif*), составляет капитальное зло тамошних парламентских порядков и что в Англии, где существует обычай платформы, зло это меньше. По этому следовало бы разобрать вопрос об умѣстности или неумѣстности наказов депутатам, чего Laveleye, однако, не сдѣлалъ.

Этот крупный пробѣл пополняется статьей Pauliat, къ краткому изложению которой мы теперь и перейдемъ.

Посмотримъ сначала, каково положеніе депутатов по отношенію къ избирателямъ во Франціи.

Параграфъ 13 закона 1875 г. о законодательныхъ выборахъ гласитъ: *tout mandat impératif est nul et de nul effet* — всякій наказъ признается недействительнымъ и ни къ чему не обязываетъ.

Параграфъ этотъ естественное послѣдствіе тѣхъ доктринерскихъ взглядовъ на парламентаризмъ, которыхъ, по старой традиціи, придерживались законодатели 1875. Ихъ можно резюмировать такимъ образомъ: Самодержавіе народа принадлежитъ всей совокупности гражданъ. Въ сроки, опредѣляемые конституціей, граждане «делегировать» свое самодержавіе известному числу выбранныхъ изъ ихъ же среды депутатовъ, «представляющихъ» страну въ парламентъ. Въ силу параграфа 13, депутаты образуютъ совершенно самостоятельное цѣлое и являются по отношенію къ тѣмъ, отъ кого они получили власть, не простыми агентами, но настоящими начальствомъ. Ихъ законодательныя рѣшенія зависятъ только отъ ихъ совѣсти, а не отъ желаній и воли избирателей. И такъ, престолющее самодержавіе народа сводится, въ сущности, къ самодержавію депутатовъ, что не только обидно для самолюбиваго *peuple souverain* (бѣда, конечно, не въ этомъ), но еще ведетъ къ парламентскимъ безобразіямъ, о которыхъ уже было говорено выше.

Въ 1881 г. радикальный депутатъ Бароде внесъ въ палату проектъ, названный «предложеніемъ относительно избирательныхъ тетрадей» (*cahiers électoraux*). Онъ предлагалъ назначить комиссію изъ двадцати членовъ съ цѣлью собрать и рассмотреть разныя *professions de foi* и программы, опубликованныя кандидатами въ депутаты при выборахъ 1881 года, и представить

потомъ палатѣ, на основаніи ихъ, отчетъ о реформахъ, требуемыхъ народомъ. Предложеніе Бароде было принято огромнымъ большинствомъ при трехъ голосованіяхъ — 11 ноября 1881, 11 февраля и 6 марта 1882 года, не смотря на то, что оно находится въ принципиальномъ противорѣчии съ параграфомъ 13 закона о законодательныхъ выборахъ.

«Удивительно, говоритъ Pauliat, какъ никто не замѣтилъ, что, принимая предложеніе Бароде, палата произвела политическую революцію, радикальный переворотъ въ понятіяхъ о представительномъ правленіи. Голосованіе въ пользу проекта Бароде показываетъ, что идеи и доктрины, которыми руководствовались цѣлый рядъ поколѣній, пошатнулись и могутъ исчезнуть въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ... Несомнѣнно, что отнынь ни одна изъ будущихъ палатъ не поколеблется послѣдовать примѣру палаты 1881 года и тоже пожелаетъ узнать волю Франціи, чтобы подчиниться ей... Поэтому теперь, болѣе, чѣмъ когда либо, умѣстно разсмотрѣніе вопроса: въ чемъ должна заключаться политическая система, построенная на настоящемъ представительствѣ народной воли, где на долю палаты выпала бы скромная роль переводчицы на языкъ закона желаній большинства избирателей и где ни одинъ депутатъ, ни прямо, ни косвенно, не могъ бы уклониться отъ исполненія своихъ обязательствъ». Прообразъ такого устройства Pauliat видитъ въ *Etats généraux* до-революціонной Франціи, въ ихъ *cahiers*, въ которыхъ записывались желанія населенія всего государства. «Чтобы спасти принципъ парламентскаго правленія — продолжаетъ Pauliat — придется, можетъ быть, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вернуться къ чему нибудь въ родѣ системы, которую мы сейчасъ опишемъ. И мы не удивились бы, еслибъ *suffrage universel* нашелъ въ ней ту организацію, которую Прудонъ признавалъ для него необходимой и безъ которой, по нашему мнѣнію, никакой *suffrage universel* не можетъ служить прочнымъ и окончательнымъ фундаментомъ для правительства, представляющаго собою прогрессъ и свободу».

Мы далеко не раздѣляемъ воззрѣній Pauliat на проектъ Бароде и не думаемъ, чтобы принятіе его могло повлечь за собою послѣдствія, ожидаемыя авторомъ. Во первыхъ, «тетради», составленныя парламентской комиссіей по программамъ кандидатовъ на депутатское званіе, выражаютъ, очевидно, только мнѣніе этихъ кандидатовъ, а не ихъ избирателей. Во вторыхъ, депутаты могутъ попрежнему не принимать тетрадей во вниманіе, такъ какъ параграфъ 13 не уничтоженъ. Недавно (уже послѣ появленія статьи Pauliat) Camille Pelletan представилъ палатѣ докладъ комисіи «избирательныхъ тетрадей», по которому можно судить о плодахъ этого новаго учрежденія. Оказывается, что изъ 538 программъ, 249 требовали дароваго и обязательнаго первоначальнаго обученія, 163 — отдѣленія церкви отъ государства, 154 — свободы ассоціацій, 127 — свободы собраній и печати, 126 — разширенія муниципальной свободы и проч. Следовательно, парламентъ имѣлъ бы право воздержаться отъ разсмотрѣнія самыхъ важ-

ныхъ для страны вопросовъ, на томъ основаніи, что большинство избирателей оставило ихъ безъ вниманія — если только придерживаться нелѣпнаго мнѣнія, будто программа французскаго депутата есть вѣрное изображеніе желаній его избирателей. Большинство программъ не обсуждается и даже не читается избирателями, и многие депутаты выбираютъ, какъ извѣстно, безъ всякаго печатнаго заявленія съ ихъ стороны. Чтобы имѣть значеніе тетрадей прежнихъ *Etats généraux*, кандидатскія афиши должны быть сводомъ сотней мѣстныхъ манифестовъ, выработанныхъ коммунами. Лучшимъ доказательствомъ несостоятельности тетрадей à la Barodet служитъ тотъ фактъ, что, по отчету Пеллетана, только 278 программъ требовали уменьшенія срока военной повинности до трехъ лѣтъ, между тѣмъ какъ едва ли бы нашлась хоть одна коммуна, которая, спрошенная отдѣльно по этому вопросу, высказалась бы противъ уменьшенія срока военной службы.

Отказываясь признать серьезнымъ дѣломъ игрушечныя «тетради» Бароде, мы, наоборотъ, придаемъ большое значеніе самой статьѣ Pauliat, появленіе которой въ такомъ «солодномъ» журналѣ, какъ *Nouvelle Revue* господина Adam, считаемъ признакомъ перелома въ воззрѣніяхъ французскаго общества на роль парламента и депутатовъ, перелома, позволяющаго дѣйствительно надѣяться на скорое водвореніе во Франціи болѣе истиннаго народного представительства.

«Идея избирательныхъ программъ, говоритъ Pauliat, такъ же стара, какъ старая французская монархія, и ее можно считать нашей національной особенностью, такъ какъ въ другихъ странахъ мы ее не встрѣчаемъ(?). Мѣра, предложенная Бароде, только ослабитъ того, что мы видимъ въ *Etats généraux* съ XIV по XVIII столѣтіе, когда жители каждаго прихода принимали прямое участіе въ составленіи «приходскихъ тетрадей», излагая въ нихъ свои нужды, желанія и требованія; когда изъ этихъ тетрадей потомъ составлялись «провинціальныя тетради», а изъ нихъ — *cahiers généraux*, передававшіеся на разсмотрѣніе королю и являвшіеся правдивымъ выраженіемъ потребности и воли всѣхъ трехъ сословій, всей націи. Депутаты, выбранные, чтобы представлять въ *Etats généraux* волю своего сословія, обязаны были оставаться безусловно вѣрными инструкціямъ, изложеннымъ въ *cahiers généraux*, въ противномъ случаѣ они подвергались тяжелой отвѣтственности передъ избирателями. Вся эта система страдала однимъ крупнымъ недостаткомъ, окончательно подрывавшимъ значеніе, которое она могла бы имѣть: король пользовался правомъ созывать или не созывать *Etats généraux* по своему усмотрѣнію и могъ, кромѣ того, не принимать въ соображеніе желаній народа, изложенныхъ въ тетрадяхъ».

Въ настоящее время во Франціи мы видимъ два противоположныя теченія политической мысли. Одно, называемое авторомъ «цезарскимъ», сводится къ культу власти и происходитъ по прямой линіи отъ римскаго права и идеи имперіализма, которой Римъ временъ упадка заразилъ новое общество, выросшее на его развалинахъ. Другое теченіе авторъ называетъ «кельтическимъ»

или «галльскимъ»; оно стремится къ свободѣ, самоуправленію и федераціи; представителемъ его въ до-революціонной Франціи были *Etats généraux* съ ихъ тетрадами и наказами данными депутатамъ. Вернуться къ кельтической и галльской доктринѣ, т. е. къ традиціи *Etats généraux*, значило бы, по мнѣнію Pauliat, возвратити Франціи ея природный, «этнический», способъ народнаго представительства. «Мы не знаемъ, сколько времени продолжится эволюція, уносящая Францію отъ цезарской доктрины къ доктринѣ кельтической. Но только послѣдней принадлежитъ будущее. Поэтому мы желали бы, чтобъ новое поколѣніе политическихъ дѣятелей не слѣдовало примѣру предшественниковъ и отрѣшилось бы отъ цезарскихъ идей и культа власти, которые со временъ Людвига XIV систематически губили страну и погубили также чудное движеніе 1789 года».

Изъ сказаннаго читатель можетъ догадаться, что Pauliat предлагаетъ учредить во Франціи нѣчто въ родѣ *Etats généraux* съ ихъ тетрадами и наказами депутатамъ — все это, конечно, принаровненное къ теперешнимъ условіямъ жизни и неограниченное наверху, какъ то было прежде, волею самодержавнаго монарха. Легко понять, что такое истинно-народное представительство мыслимо только при самой полной децентрализациі. При современныхъ государственныхъ порядкахъ во Франціи, когда все централизовано до такой степени, что общинамъ для рѣшенія своихъ же собственныхъ дѣлъ приходится обращаться къ высшему началству — къ префектамъ и министрамъ, наказаи и избирательныя тетрады были бы абсурдомъ. Сельскія общины навѣрно переполнили бы свои тетрады такой массою мелкихъ жалобъ на разныхъ *gardes champêtres* (полевые сторожа) и проч. и проч. и просьбами о всевозможныхъ субсидіяхъ, что господа депутаты и министры потеряли бы голову въ этой путаницѣ. Но — говоритъ Pauliat — все измѣнится, если завести децентрализацию, если сдѣлать такъ, чтобъ коммуна свободно заправляла своими коммунальными, округъ — окружными, а департаментъ — департаментскими дѣлами. Тогда все пойдетъ хорошо и гладко: господа парламентскіе депутаты, сообразуясь съ волей народа, ограничатся заправленіемъ общей политикой страны, внутренней и внешней, а участіе всего населенія въ государственныхъ дѣлахъ разовьется въ немъ политическое пониманіе, такъ и благотворительную способность разумной общественной инициативы.

Laveleye несомненно правъ, утверждая, что торжество демократіи всюду неизбежно. Оно медленно, но неукоснительно готовится и въ деспотической монархіи русскаго царя — непрерывнымъ прогрессомъ науки и примѣненіемъ ся открытій къ промышленности. Интересы промышленности требуютъ устраненія стѣснительныхъ полицейскихъ мѣръ, свободы передвиженія, распространенія грамотности и просвѣщенія. Образованіе народа ведетъ къ конституціи и ко всеобщей подачѣ голосовъ: кто научился читать и думать, тотъ хочетъ быть полноправнымъ гражданиномъ, хочетъ вопиовать. Абсолютизмъ, основывающійся на инколу или кафедрѣ,

Но, какъ показывать исторія нашихъ и прошлыхъ временъ, прогрессъ демократіи, приносилъ намъ равенство, можетъ отнять у насъ свободу, — сдѣлать насъ всѣхъ одинаково порабощенными. Вспомнимъ греческую демагогію, которая вела къ тираніи, и французскій *suffrage universel*, послужившій для основанія цезаризма. Взглянемъ на современныя централизованныя демократіи, гдѣ правительства предстонтъ выборъ только между полнымъ безсліемъ или деспотизмомъ, насилующимъ волю народа.

Такимъ образомъ, единственнымъ исходомъ, при неизбежномъ торжествѣ демократіи, является парламентскій режимъ, основанный на истинномъ народномъ представительствѣ. Мы видѣли, что онъ возможенъ только при децентрализациі или федерализмѣ и депутатскихъ наказахъ (которые взаимно обуславливаютъ другъ друга и другъ безъ друга несмыслимы) и что все другія мѣры, напр., несменяемость министровъ и магистратуры, несостоятельны. Мало того, видъ подобнаго режима, невозможно представить себѣ другою организациі, служащей орудіемъ какого либо прогресса (мирнаго или насильственнаго) человѣческихъ обществъ. Какъ на орудіе такого прогресса (насильственного) намъ, пожалуй, укажутъ на разныя формы тайной и явной диктатуры якобинцевъ и социалистовъ-революціонеровъ, но мы рѣшительно не въ состояніи понять этого указанія, потому что не можемъ взять въ толкъ, какимъ образомъ авторитетъ, власть и насиліе, которые въ рукахъ короля, императора или правительственнаго меньшинства признаются гибельными для человѣчества, въ рукахъ другаго самодержавія, называемаго диктатурой (личной или коллективной), вдругъ становятся чудодѣйственными и спасительнымъ принципомъ, всюду разливающимъ свѣтъ истины и блага свободы. Да гдѣ, наконецъ, искать истину, которую каждая изъ революціонныхъ партій старается монополизировать въ свою пользу? У государственныхъ ли коммунистовъ или у анархическихъ теоретиковъ монсолемиискаго дѣйствія динамитомъ? И тѣ и другіе одинаково глубоко убѣждены въ исключительномъ обладаніи истиной и въ необходимости насильственнаго осуществленія своей программы *).

В. Гольштейнъ.

*) Считаем уместным напомнить тут одно изречение г. Лафарга, одного из выдающихся французских государственных коммунистов: «Если рабочая партия требует свободы печати, собраний, товариществ, то вовсе не для того, чтобы служить Свободе, но для того, чтобы удерживать в период латентный (аscalent) волюнтаризм капитализма; в период же революционный будет иное: единственная свобода, какую она предоставит буржуа-оппортионистам или анархистам, это держать себя тихо и молчаливо». (L'Egalité, 1880, № 31, стр. 7). С другой стороны, анархисты, кн. Крапоткин, на международном банкете, созванном польскими социалистами в 1881 г., провозгласили отъ

ПРОПАГАНДА И ЗАГОВОРЪ ВЪ АРМИИ ВЪ 1825 г.

(Окончаніе).

Сдержанность въ объясненіяхъ Бестужева не удовлетворила членовъ Славянскаго Союза. Черезъ три дня было новое собраніе. Бестужевъ снова присутствовалъ и началъ разговоръ съ требованіи неограниченнаго довѣрія къ Верховной Думѣ и просилъ членовъ Общества Славянъ немедленно присоединиться къ Южному Обществу, не требуя отъ него дальнѣйшихъ объясненій. Затѣмъ онъ изложилъ организацію Южнаго Общества, способъ сношенія его съ Верховной Думой, называлъ главныхъ его членовъ и пр. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на умы, онъ приложилъ, что многочисленное «Польское Общество», имѣющее развѣтвленія въ Царствѣ Польскомъ, въ присоединенныхъ къ Россіи губ., въ Галиціи и Познанскомъ Воеводствѣ, выразило готовность раздѣлить съ русскими опасность переворота и содѣйствовать ему всѣми силами и что съ этой цѣлью оно было бы уже соединилось съ Южнымъ Обществомъ, при чемъ взаимныя сношенія ведутся черезъ князя Аблонскаго, гр. Мошискаго и полковника Крыжановскаго съ польской стѣны, и черезъ Сергія Муравьева и его, Бестужева-Рюмина — съ русской.

Рѣчь Бестужева подѣйствовала на впечатлительныя умы членовъ Славянскаго Союза. На этотъ разъ большинство присутствующихъ выразило желаніе присоединиться. Только Борисовъ доказывалъ, что, обязавшись клятвой посвятить свою жизнь освобожденію славянскихъ племенъ, водворенію между ними свободы равенства и братства и искорененію взаимной вражды, члены «Союза» не имѣютъ права отказываться отъ этой цѣли. А между тѣмъ, говорилъ онъ, подчиняя себя безусловно невидимой имъ и таинственной Верховной Думѣ, которая можетъ найти ихъ цѣль не заслуживающей вниманія и защитить имъ преслѣдовать ее, они будутъ лишены возможности выполнить клятвенно принятую на себя обязанность. Бестужевъ-Рюмин возражалъ на это, что преобразование Россіи необходимо открыть всѣмъ славянскимъ племенамъ путь къ свободѣ, развитію и благосостоянію, что соединенными силами удобнѣе совершить переворотъ въ Россіи: что освобожденная отъ деспотизма Россія будетъ открыто содѣйствовать цѣлямъ «Славянскаго Союза»: освободить Польшу, Богемію, Моравію и другія славянскія земли, дать имъ свободныя учрежденія и соединить федеральнымъ союзомъ. Такимъ образомъ, заключилъ онъ, сліяніе двухъ Обществъ будетъ содѣйствовать цѣлямъ обоимъ.

Аргументы и энтузиазм Б. Рюмина оказали свое действие на членовъ «Общества Славянъ». Собрание дало свое согласіе на соединеніе съ «Южнымъ Обществомъ», и рѣшено было избрать изъ своей среды посредника и составить особую управу. Посредникъ, по плану Вестужева, долженъ завѣдывать дѣлами секціи Интернаціонала, желаніе, чтобы въ случаѣ социальной революціи «первая бомба была брошена противъ диктатора». Напоминать многочисленные заявленія диктаторскихъ стремленій и волюнтерскихъ (въ родѣ касаньсконкаго общества честныхъ дубинъ, протипна российскяхъ Св. Держинъ) предложеній «спасенія общества» со стороны консервативной — считаемъ даже излишнимъ.

(Ред.)

ми управы и сноситься отъ ея имени съ нимъ или Муравьевымъ, какъ представителями «Южнаго Общества»; они, съ своей стороны, обязываются доставлять ему предписанія отъ Верховной Думы и увѣдомлять его о дѣлахъ общества. Общество Славянъ можетъ принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ съ дозволенія посредника, который долженъ будетъ хоть одинъ разъ въ годъ давать отчетъ Верховной Думѣ о дѣлахъ славянской управы. Съ этого момента, говоритъ авторъ «Записокъ», первоначальный характеръ и направленіе Общества Славянъ замѣтно начинаютъ измѣняться, все болѣе и болѣе поддаваясь вліянію Южнаго Общества, имѣвшаго характеръ военного заговора для немедленнаго совершенія политическаго переворота. Перемена эта, впрочемъ, произошла не безъ сопротивленія. Любопытны въ этомъ отношеніи бесѣды и споры между различными представителями двухъ соединившихся обществъ.

На одномъ изъ слѣдующихъ собраний, когда соединеніе уже состоялось и посредникъ былъ избранъ, Бестужевъ-Рюминъ сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ пользу соединенія двухъ обществъ, необходимость переворота въ Россіи и несомнѣнность его успѣха. Затѣмъ онъ высказалъ, что ему не нравится постепенность стремленій «Славянскаго Союза» и отдаленность его цѣлей. «Сдѣлать народъ участникомъ переворота ему казалось опаснымъ». «Наша революція», сказалъ онъ, «будетъ подобна революціи Испанской (1823 г.): она не будетъ стоить народу ни одной капли крови, ибо произведется одною арміею, безъ участія народа.... Наша конституція утвердитъ навсегда свободу и благоденствіе народа. Въ будущемъ, 1826 г., въ Августѣ императоръ будетъ смотрѣть третій корпусъ, и въ это время рѣшится судьба деспотизма. Тогда ненавидимый тиранъ падетъ подъ нашими ударами, и мы, поднимая знамя свободы, пойдемъ въ Москву и провозгласимъ конституцію». — «Но какія мѣры приняты Верховной Думой для введенія конституціи?» спросилъ у него Борисовъ. — «До тѣхъ поръ пока конституція не приметъ надлежащей силы, отвѣчалъ Бестужевъ, временное правленіе будетъ заниматься внѣшними и внутренними дѣлами государства, а это можетъ продолжаться хоть десять лѣтъ». — «Народъ, по вашимъ словамъ, будетъ вовсе устраненъ отъ участія въ переворотѣ, замѣтилъ Борисовъ. Революція будетъ совершенною военною. Кто-же назначитъ членовъ временнаго правленія? Ужели одни военные люди примутъ въ этомъ участіе? По какому праву и съ чьего согласія будетъ оно управлять 10 лѣтъ Россіей? Что составитъ его силу и какія огражденія представите вы въ томъ, что одинъ изъ членовъ вашего правленія, избранный вопиющимъ и поддержанный штыками, не похититъ самовласти?» — «Какъ можемъ мы, которые убьемъ законнаго государя, потерпѣть власть похитителя?!» — нашелся только отвѣтить взбѣшенный Бестужевъ.

Спирidonовъ, избранный отъ «Славянскаго Союза» въ посредники, посѣтилъ С. Муравьева и, между прочимъ, рассказалъ ему о быстрыхъ успѣхахъ общества и увеличеніи числа его членовъ. Принятіемъ въ члены многихъ офицеровъ. Къ удивленію Спирidonова,

Муравьевъ выразилъ неудовольствіе по поводу такой дѣятельности «Союза Славянъ», находя неумѣстнымъ привлеченіе въ общество офицеровъ, которыхъ, по его мнѣнію, можно возбудить къ возстанію, объявивъ объ этомъ имъ наканунѣ дѣла. На замѣчаніе Спирidonова, что члены «Союза Славянъ» дѣйствуютъ на основаніи своего устава и прежней практики и что имъ этого нельзя запретить, Муравьевъ отвѣтилъ, что эти правила потеряли силу со времени соединенія двухъ обществъ, какъ вредныя общему дѣлу. «Планъ нашихъ дѣйствій совсѣмъ иной, замѣтилъ онъ, солдаты и офицеры должны быть приготовлены, но не должны знать ничего; они будутъ орудіями совершенія переворота. Вы знаете, что за люди русскіе офицеры и солдаты?»

Въ другой разъ С. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ членовъ «Общества Славянъ», гдѣ они встрѣтились съ многими членами «Южнаго Общества». Муравьевъ и другіе члены «Ю. Союза» говорили о злоупотребленіяхъ правительства, о необходимости переворота и искорененія зла, о готовности всѣхъ членовъ Общества на все для спасенія отечества. Ведая, что одинъ изъ членовъ «Общества Славянъ», замѣтилъ, что о готовности можно судить только по дѣйствіямъ и что, сколько ему извѣстно, полковые командиры, состоящіе членами общества, не только не дѣйствуютъ на солдатъ, но даже не стараются принимать въ общество достойныхъ офицеровъ своихъ полковъ, а что безъ этого нельзя ждать никакого успѣха. С. Муравьевъ отвѣтилъ на это, что «вѣроятно Верховная Дума, управляющая обществомъ, приняла необходимыя мѣры и что не должно сомнѣваться въ чувствахъ людей, извѣстныхъ обществу». Въ другой разъ разговоръ шелъ съ Горбачевскимъ, вѣроятнымъ авторомъ «Записокъ», и С. Муравьевымъ. Горбачевскій утверждалъ, что отъ солдатъ ничего не надо скрывать, необходимо заставить ихъ понять всѣ выгоды переворота, ввести ихъ постепенно во всѣ тайны общества и довести ихъ до того, чтобы они сознательно сражались за свои права и благо народа. Откровенность и чистосердечіе, по его мнѣнію, подѣйствуютъ на солдатъ лучше всякаго макиавелизма. Муравьевъ возражалъ на это, что солдаты не въ состояніи будутъ понять выгоды переворота, что республика, равенство, избирательность чиновниковъ будутъ для нихъ неразрѣшимой загадкой и что лучший способъ дѣйствовать на солдатъ — это религія и возбужденіе въ нихъ фанатизма. «Простой народъ добръ, онъ не разсуждаетъ и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣлей». Въ «Запискахъ» приводится множество другихъ бесѣдъ и столкновеній, обнаруживающихъ въ членахъ «Южнаго Общества» явный фанатизмъ и конспираторство самаго неприятнаго сорта, бросавшіяся въ глаза и показывавшія болѣе наблюдательнымъ членамъ «Общества Славянъ», что отъ нихъ многое утаиваютъ и, пожалуй, смотрятъ на нихъ тоже, какъ на «орудіе для достиженія цѣли». Члены «Южнаго Общества» дѣйствовали болѣею частью въ кругу высшаго сословія; «богатство, связи, чины и значительныя должности считались какъ бы необходимымъ условіемъ для вступленія въ «Общество», го-

ворить авторъ записокъ. Они думали произвести переворотъ одной военной силой, безъ участія народа, не открывая предварительно тайны своихъ намѣреній ни офицерамъ, которыхъ надѣялись завлечь возбужденіемъ энтузіазма и обѣщаніями, ни солдатамъ, на которыхъ думали подѣйствовать авторитетомъ начальства, деньгами и угрозами. Гражданское общество не внушало имъ ни довѣрія, ни симпатій, народъ былъ только матеріаломъ. Привычка командовать солдатами отразилась и на ихъ политическихъ планахъ, не смотря на всю широту и либеральность послѣднихъ. Заговорщики считали возможнымъ совершить переворотъ по командѣ, убить деспота, навязать конституцію, назначить своихъ чиновниковъ и продолжительной диктатурой приучить общество къ свободѣ. Что изъ этого вышло бы, — предсказать не трудно. «Общество Соединенныхъ Славянъ», для приведенія въ исполненіе своего плана, считало необходимымъ содѣйствіе всѣхъ сословій и сознательное участіе ихъ въ предстоящемъ переворотѣ, который долженъ быть плодомъ солидной подготовки и организаціи славянскихъ народовъ.

Но предполагаемая сила «Южнаго Общества», умъ, энтузіазмъ и ловкость Муравьева и Бестужева взяли верхъ надъ идеализмомъ «Общества Славянъ», большинство членовъ котораго были, притомъ, народъ молодой, пылкій и жаждущій поскорѣе пожертвовать собою на служеніе дѣлу. Они увлеклись возможностью успѣха и близостью переворота и, забывъ всю первоначальную разницу цѣлей и средствъ, присоединились къ «Южному Обществу». Авторъ «Записокъ» описываетъ трогательную сцену окончательнаго сліянія двухъ обществъ. 13 сентября члены «Славянскаго Общества» собрались въ назначенномъ мѣстѣ. На однихъ лицахъ написана была радость и надежда на близкое торжество ихъ цѣли; на другихъ можно было прочесть сомнѣніе и грусть о покинутыхъ задачахъ «Союза Славянъ». Приѣхалъ Бестужевъ и снова заговорилъ объ успѣхѣ, о счастіи пожертвовать собою для блага своихъ согражданъ, о близости торжественной минуты. Всѣ съ жаромъ клялись по первому знаку явиться въ назначенное мѣсто съ оружіемъ въ рукахъ и употребить всѣ успѣлія, чтобы увлечь за собою своихъ подписанныхъ. Бестужевъ, снявъ съ своей груди образъ, поцѣловалъ его, призывая на помощь Провидѣніе и произнося клятву умереть за свободу, передалъ образъ другимъ. Потокъ горячихъ клятвъ сопровождался восклицаніями: «Да здравствуетъ Конституція! Да здравствуетъ Республика! Да здравствуетъ народъ! Да погибнетъ различіе сословій! Да погибнетъ дворянство въѣстъ съ царскимъ саномъ!» Образъ переходилъ изъ рукъ въ руки, его цѣловали, обнимались и заливались слезами. Всѣ говорили о смерти за освобожденіе родины. «Наградю за ваше самопожертвованіе будетъ не смерть, а почести и достоинства», сказалъ Бестужевъ-Рюминъ. Со всѣхъ сторонъ послышались выраженія негодованія. «Не для награды и почестей хотимъ освободить Россію. Сражаться до послѣдней капли крови — вотъ наша награда!» съ неистовствомъ кричали многіе.

Такъ совершилось окончательное сліяніе двухъ «Обществъ», отклонившее «Союзъ

Славянъ» отъ его первоначальной цѣли — медленнаго, но прочнаго подготовленія революціи. Плодомъ этого слиянія было возстаніе Черниговскаго полка, его поражение, арестъ главныхъ членовъ, въ томъ числѣ Муравьева и Бестужева. Это возстаніе, подробностямъ котораго посвящена большая часть «Записокъ» (подробности эти очень любопытны и поучительны и мы отсылаемъ къ нимъ читателя), показало всю несостоятельность надеждъ и увѣреній членовъ «Южнаго Общества» относительно готовности войска, все отсутствіе организаціи, единства дѣйствія, плана и даже преданности многихъ членовъ, влявшихся умереть за свободу, какъ, напр., Артемій Муравьевъ. Наиболее преданные члены металсь, какъ угорѣлые, извѣщали, предупреждали, теряли время и энергію и успѣли собрать какихъ нибудь 700—800 человекъ, съ которыми и выступили къ Житомиру и Киеву, когда тамъ все уже было готово для защиты. Одного залпа рекогносцировочнаго отряда кавалеріи было достаточно, чтобы разсѣять этотъ взбунтовавшійся полкъ — и дѣло «освобожденія Россіи», а черезъ нее и всего «славянскаго міра» было проиграно. «Солдаты, какъ орудіе» и «народъ, какъ матеріалъ» свели дѣло чуть-чуть не къ фарсу, если бы не пять вистлицъ и не сотни труповъ, сотни каторжныхъ и ссыльных декабристовъ.

ц.

Post Scriptum отъ редакціи. Къ извлеченію г. Ц. теперь мы позволимъ себѣ прибавить: 1) что, прочитавъ всѣ записки Горбачевского, читатели увидятъ не только примѣры, доказывающіе, что пропаганда членовъ Общества Соед. Славянъ среди солдатъ, какъ ни коротка она была, все таки успѣла создать среди нихъ сознательныхъ послѣдователей свободныхъ идей, но и то, что въ самый моментъ отчаяннаго «дѣйствія» наиболее энергичн проявились именно «пропагандисты», члены «Общ. Славянъ», а вовсе не «заговорщики» Ю. Р. Общества, которые всѣ оказались не готовыми, мало подвижными и среди которыхъ нашлись даже трусы и измѣнники, — и 2) что къ пропагандѣ среди «народа» члены Общ. Славянъ не успѣли еще приступить, но и тутъ, при большомъ значеніи мѣстныхъ условій, они могли бы найти себѣ почву гораздо болѣе благоприятную, чѣмъ они даже сами могли ожидать. Такъ, самъ Горбачевскій рассказываетъ, не безъ удивленія, что Сухиновъ скрывалъ во время преслѣдованія «простодушный малороссійскій» и потомъ вывелъ его, говоря «простымъ малороссійскимъ» нарѣчіемъ: «идите, пане, до хаты; нечутно нікого; Москалі побігли далеко», — хотя и восхваляетъ подобное же отношеніе къ Сухинову «знакомаго ему полка» (стр. 528—598). Но у самого же Г.—аго въ Запискахъ находимъ показаніе о томъ, какъ въ с. Мотовиловкѣ «добрые крестьяне радостно привѣтствовали С. Муравьева и повторяли: да поможетъ тебѣ Богъ, нашъ добрый полковникъ, избавитель нашъ». «Казалось, крестьяне, при всей ихъ необразованности, говорить далѣе Г.—ій, понимали, какия выгоды могутъ имѣть отъ успѣховъ Муравьева.... Чувства сихъ грубыхъ людей, искаженныхъ рабствомъ, утѣшали С. Муравьева». А дѣло объясняется очень просто: «простодушные, добрые, грубые» крестьяне кievской губерніи, особенно въ окрестностяхъ Мотовиловки, знаменитыхъ въ исторіи козачества XVII в., Палинщинны и Гайдамачины XVIII в., — все не были искажены рабствомъ, а напротивъ того ненавидѣли крѣпостное право, боролись противъ него и только нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ были ему окончательно подчинены царицей Екатериной. Систематическая пропаганда среди мѣстныхъ крестьянъ, которая входила и въ планы Соед. Славянъ, открыла бы имъ не мало точекъ со-

прикосновенія ихъ идей съ стремленіями «простодушныхъ малороссійскіхъ», которыхъ самое существованіе около поляковъ въ «западныхъ губерніяхъ», кажется, едва ли и подозрѣвалъ самъ Горбачевскій (стр. 528).... О ближайшихъ примѣненіяхъ, какия можно сдѣлать изъ Записокъ Г.—аго по отношенію къ несомнѣнно начинающемуся теперь политическому броженію въ арміи, мы поговоримъ въ другой разъ.

НОВѢЙШЕ ПОДХОДЫ КЪ СОЦІАЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

(Берлинскія письма).

I.

Подъ этимъ заглавіемъ не слѣдуетъ искать подробной картины цѣлаго движенія или ряда движеній, возникшихъ въ послѣднее время изъ различныхъ точекъ отправленія и притворно или искренно стремящихся къ одной цѣли; для такой картины понадобилось бы продолжительное и всестороннее изученіе этихъ движеній, тѣмъ болѣе затруднительное, что они еще въ самомъ зачаткѣ и ихъ центры разбросаны по различнымъ странамъ и ничѣмъ не соединены между собою. Мы хотѣлось бы только на этотъ разъ представить собранными вмѣстѣ новѣйшія явленія публичнаго характера, написать какъ бы введеніе въ рубрику «подходовъ къ соціальному вопросу», которая потомъ можетъ восполняться мною же или другими заинтересованными въ ней наблюдателями.

Увѣряють, что два года тому назадъ Бисмаркъ рекъ: «Государственная машина нуждается въ каннѣ соціалистическаго масла».

Гдѣ, когда и передъ кѣмъ именно сказали это, многіе не могутъ передать въ точности *), но крылатая рѣчь или мысль безспорно перваго государственника нашего времени уже успѣла облетѣть политическіе міры и мірки многихъ странъ, и вотъ отовсюду льются капли различныхъ размысловъ и самаго различнаго содержанія; въ однихъ соціалистическое масло сильно разбавлено водою, въ другихъ къ нему примѣшаны чрезвычайно разнообразныя вещества.

Соціальный вопросъ, существованіе котораго такъ охотно отрицали записные политики и котораго чурались такъ называемые образованные классы, — соціальное движеніе, имя котораго соединялось съ представленіемъ о чадѣ рабочей казармы и скрипѣ станковъ или съ картиной нестерпимаго пожара и взрыва адептовъ машинъ, — сдѣлался модными предметами салонныхъ разговоровъ!

Да! на скрижаляхъ исторіи нашего времени будетъ записано, что съ 1882 г. соціализмъ сдѣлался, — употребляя чонорное нѣмецкое выраженіе, — *hoffähig*, т. е. получилъ право пріѣзда ко двору и введенъ въ высшее общество. — «Пожалуйста, не пишпите: соціализмъ, соціалисты, когда нужно обозначить что нибудь особо вредное, подкалывающееся подъ основы общества и государства» — говорилъ недавно (истинный случай!) главный редакторъ одной нѣмецкой оффиціальной газеты своимъ сотрудникамъ — «это уже болѣе

*) Бисмаркъ сказалъ въ засѣданіи рейстага 9 Янв. 1882 г.: «Вы принуждены будете прибавить въ фонарь нѣсколько капель соціалистическаго масла». Фраза эта есть просто передѣлка извѣстной фразы Уланда, въ 1849 году, что императорская корона въ Германіи невозможна безъ посвященія каплей демократическаго масла. (Ред.)

не идти: соціализмъ можетъ значить и хромое, и соціалистами называютъ себя теперь и люди хорошаго общества и даже съ вѣсомъ; выставляйте вѣсто этого: «коммунисты», «нигилисты», «динамитчики» *) и т. п.

Въ чемъ же состоитъ соціализмъ новаго рода, соціализмъ сверху? Это обуславливается, во первыхъ, тѣмъ, кто эти новые соціалисты и что вносятъ каждый изъ нихъ съ собою въ движеніе.

Соціалисты сверху подраздѣляются, по моему, на три, пока весьма неравныя, группы, соответствующія тремъ главнымъ правящимъ элементамъ стараго времени: 1, соціалисты-правительственники, 2, соціалисты-аристократы и 3, соціалисты-клерикалы.

Я называю первую группу соціалистовъ «правительственниками» по примѣру Дюринга, употребляющаго выраженіе *«autoritare»*, т. е. приверженцы власти, правительство, *par excellence*. Утомленные и ожесточенные борьбою съ либеральной буржуазіей изъ за предѣловъ власти и свободы, эти люди готовы на самыя широкія реформы на экономическомъ поприщѣ, не только на экспропріацію циркулирующихъ капиталовъ, но даже и на влѣтіе подъ опеку недвижной собственности. Конечно, экспропріація должна быть произведена государствомъ, а опека поручена правительству. Идеаль такого направленія — сильное пзвнѣ и дисциплинированное внутри государство съ двумя только классами или категориями населенія: рабочими различныхъ отраслей труда и чиновниками различныхъ вѣдомствъ.

Въ такой цѣльности и рѣзкости направленіе не успѣло еще высказаться ни на трибунѣ, ни въ печати; что оно существуетъ и ведетъ логически къ такому идеалу, я заключаю — и берусь со временемъ доказать — изъ разбросанныхъ заявленій немногихъ явныхъ представителей этого направленія въ парламентахъ и литературѣ, а также и на основаніи личныхъ наблюденій надъ государственными и общественными дѣятелями подобнаго образа мыслей.

Недавно одинъ изъ друзей моихъ въ Германіи, принадлежащій къ поколѣнію, которое предшествовало нашему, и наблюденія котораго восходятъ поэтому далѣе назадъ, нежели мои собственные, говорилъ мнѣ: «для исторіи политико-соціальнаго развитія Германіи, а съ нею и всей центральной и восточной Европы, нѣтъ болѣе важнаго момента, какъ моментъ личныхъ отношеній Бисмарка съ Лассалемъ. Обѣ геніальныя личности высказались вполне и договорились до конца, чѣмъ это рѣдко бываетъ съ теоретическими противниками; оттого идеи каждаго изъ нихъ пропикли умъ другаго и были послѣ переработаны каждымъ изъ нихъ подъ вліяніемъ его личнаго характера и положенія. Бисмаркъ далъ Лассалю идею авторитета власти, которую Лассаль внесъ въ соціализмъ и которая, впоследствии еще строите разн-

*) Во Франціи и въ Россіи теперь для такихъ цѣлей служитъ слово «анархисты», — и подчасъ истинно курьезно видѣть, какъ подъ это слово ставитъ русскихъ «народовольцевъ», или французскихъ коммунистовъ государственниковъ, изъ которыхъ послѣдніе, какъ мы видѣли выше, сами приравниваютъ анархистовъ къ буржуазнымъ оппортунистамъ. (Ред.)

тая Марксомъ, позволила послѣднему дать социалистической партіи боевую организацію для служенія своей идеѣ. Напротивъ, Лассаль далъ Бисмарку мысль о союзѣ между социализмомъ и государствомъ, мысль, которую Лассаль понималъ какъ осуществленіе социалистическаго идеала посредствомъ государства, но которую Бисмаркъ превратилъ въ идею обновления и укрѣпленія государства посредствомъ социализма».

Итакъ, первые изъ авторитаровъ-социалистовъ—Бисмаркъ великій и Бисмарки малые всякаго калибра. Послѣднихъ подрастаетъ довольно много, какъ въ Германіи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею странахъ; ихъ уже не мало въ Австріи и въ Венгріи. Говорятъ, что они завелись и въ Россіи, и я сожалею, что не успѣлъ открыть и поблисти ни единого; вѣроятно, оттого, что отечественные Бисмарки разбѣнены на такіе мелкіе гроши и денежки и такъ легко стираются въ обращеніи, что могутъ быть замѣчены только при особыхъ увеличивающихъ снарядахъ. Кто знаетъ, впрочемъ, не выкуется ли въ страшной ломкѣ, идущей нынѣ въ Россіи, и какой нибудь крупный доморощенный Бисмаркъ, который переломается и перекуетъ въ Россіи все и вся и удивитъ свѣтъ!

Но, кромѣ Бисмарковъ en herbe, честолюбивыхъ чиновниковъ и карьеристовъ, въ социалистическую колею втягиваются еще и — династіи. Умные монархи всегда видѣли собственный интересъ въ приниженіи высшихъ классовъ и въ поднятіи низшихъ; въ Пруссіи это считалось какъ бы особой традиціей гогенцоллернскаго дома и отъ нея уклонились только совершенно ограниченные умственно и безхарактерные пзъ правителей. Менѣе могутъ похвастаться этимъ мелкіе германскіе династы, а всего менѣе габсбургскій домъ (за исключеніемъ Маріи Терезіи и Иосифа II). Въ настоящее время не только обладатели троновъ, но и другіе члены этихъ династій, —гогенцоллерны впереди,—ощущаютъ чрезвычайную нѣжность къ положенію бѣдняка, «des armen Mannes». И они уже поняли, что бросаніе крохъ со своего стола, иначе пресловутая благотворительность, не только не облегчаетъ существенно положенія нуждающихся, но даже не вызываетъ болѣе съ ихъ стороны прежней благодарности; а потому и въ династически-придворныхъ кругахъ тоже поднята рѣчь о социалистическомъ вопросѣ и на социальное движеніе, конечно, то, которое идетъ сверху,—смотреть, какъ на средство серьезно улучшить положеніе народа, а въ то же время и сохранить собственное положеніе, все, разумѣется, въ интересъ народа же!

Насколько могутъ оправдаться подобныя надежды, не берусь судить, но существованіе ихъ объясняетъ искренній интересъ и даже сочувствіе, съ которыми, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя династіи относятся къ социализму, или, если хотите, къ нео-социализму. Признаюсь, и я не вижу, почему бы апіористически было невозможно произвести экономическія реформы прежде политическихъ, иначе говоря, отложить вопросъ объ органахъ правительства или управления въ социалистическомъ государствѣ до завершения устройства болѣе существенныхъ сторонъ? Опытъ государствъ, въ которыхъ политическія рефор-

мы были произведены раньше экономическихъ, скорѣе поощряетъ на противоположный опытъ*). Впрочемъ, все зависить не отъ отвлеченныхъ умозаключеній, а отъ состязанія съ явленіями дѣйствительности.

Отъ правительственниковъ-социалистовъ перехожу прямо къ 3-ей группѣ социалистовъ сверху, къ клерикаламъ-социалистамъ. Она возникла почти одновременно съ первой и, повидимому, изъ одного и того же источника, но развивается весьма медленно и даже, по моему мнѣнію, заглохнетъ тамъ, гдѣ было возникла, а разовьется и разрастется въ сосѣднемъ другомъ мѣстѣ. Ученіе о христіанскомъ социализмѣ излагается теперь, какъ извѣстно, проповѣдникомъ императора Вильгельма и нерѣдкимъ собесѣдникомъ Бисмарка—Штеккеромъ. Послѣдній понялъ свою роль и будетъ играть ее до конца умѣючи; онъ пресохлоно опирается на социалистическую или даже коммунистическую эпоху первоначальнаго христіанства, и его христіанскій социализмъ довольно цѣльное и гармоническое ученіе. Но ему, во первыхъ, вредитъ, слишкомъ явная зависимость отъ свѣтской власти, а во вторыхъ, теперешняя государственная церковь въ Германіи, такъ называемая «евангелическая», продуктъ противоестественнаго соединенія лютеранства съ кальвинизмомъ, (устроеннаго въ особенности стараніями Фридриха Вильгельма IV уже въ эпоху размягченія его мозга), по жизненности своей походилъ на русское «сидновѣріе», не въ состояніи принять на себя такой миссіи. Да и вообще протестантскія церкви (исключая баптистовъ) связаны скорѣе съ либеральной буржуазіей, чѣмъ съ народомъ. На упомянутую миссію способна только церковь, строго организованная внутри и независимая извнѣ, церковь католическая. Для знакомаго съ ея исторіей и ея чуткостью къ нижнимъ теченіямъ, ея умѣніемъ дѣйствовать на народъ, весьма удивительно, что до сихъ поръ она не взялась орудовать социализмомъ**). Причинъ этому запозданію много, болѣе же всего въ связи католической іерархіи съ отсталыми элементами западно-европейскаго общества и въ заботѣ о пропагандѣ между протестантами и православными. Но какъ бы то ни было, а начало положено на дняхъ, и только что образовавшемуся «католически-социальному фрейну», въ Вѣнѣ, можно смѣло пророчить несравненно болѣе блестящую будущность, нежели всѣмъ успѣхамъ умнаго и ловкаго Штеккера. На этомъ поприщѣ католическая іерархія и даже папство могутъ имѣть шансы возвратитъ себѣ много изъ утраченнаго, если даже не приобретутъ большаго.

*) Потому невозможно, что социальную реформу осуществлять можетъ только сознательное и самоуправляющееся населеніе, или же слѣпо вѣрующее религиознымъ вождямъ стадо (какъ въ старомъ государствѣ никовъ, въ монастыряхъ, въ іезуитскомъ Парагваѣ). Такъ какъ подобнаго вѣрующаго стада въ Европѣ уже негдѣ взять, — то остается только первая возможность. (Ред.)

**) Католическіе клерикалы въ Германіи брались за социализмъ еще ранѣе Штеккера, еще со времени брошюры майнц. архіепископа Кеттелера «Die Arbeiterfrage und das Christenthum» (1866), — а «христіанско-социальныя общества» въ Германіи основывались еще въ 1870 г. Ватиканскій соборъ и бисмарковскій Kulturkampf отвлекли временно вниманіе католической іерархіи въ другую сторону. (Ред.)

Правительство и церковь существовали во всѣхъ извѣстныхъ намъ государствахъ, а особенно монархическая власть и христіанская церковь показали на дѣлѣ, что способны примѣняться ко всевозможнымъ мѣстнымъ и историческимъ условіямъ. Мысль допускаетъ, поэтому, и ихъ приспособленіе къ социалистическому государству, въ томъ случаѣ, въ особенности, когда образованіе его произошло при содѣйствіи и подъ руководствомъ названныхъ выше элементовъ. Гораздо труднѣе понять, какъ можетъ аристократія, высшій классъ по преимуществу, мечтать о сохраненіи своего положенія на верхушкѣ общественнаго зданія, если оно будетъ перестроено въ социалистическомъ стилѣ. Однако же группа или, пожалуй, партія аристократовъ-социалистовъ существуетъ и даже, повидимому, дѣйствуетъ энергичнѣе другихъ двухъ.

Конечно, на первомъ планѣ стоятъ les cadets de l'aristocratie, младшіе сыновья знатныхъ родовъ, обдѣленные при рожденіи или случайностями жизни и часто стоящіе одинаково близко къ аристократіи и къ пролетариату. Но въ настоящую пору за этими естественными инициаторами всякихъ движеній и волненій стоятъ и люди, выполняющіе сохраненіе свое положеніе и состояніе и идущіе въ ту же сторону по убѣжденію, что этого требуетъ интересъ ихъ сословія.

Объясненіе этого, повидимому, ненормальнаго явленія находится въ естественномъ антагонизмѣ между поземельною собственностью, даже самую крупную, переходящую по наслѣдству, доходъ съ которой, рента, хотя и возрастаетъ постепенно, но въ меньшей степени, нежели расходы, сопряженные съ обладаніемъ этимъ родомъ собственности и общественнымъ положеніемъ, которое онъ даетъ,—и движимыми цѣнностями, собственно капиталомъ, возрастающимъ несравненно быстрѣе и владѣніе которымъ не сопряжено ни съ какими тягостями или обязанностями. Примѣръ англійской аристократіи показываетъ, что крупные собственники не въ состояніи поддерживать свое положеніе, живя одной рентой, при возрастаніи цѣнъ на всѣ предметы потребленія, равно какъ и условій жизни вообще; они непремѣнно идутъ къ разоренію, и поправляютъ свои дѣла на нѣкоторое время только браками съ наслѣдницами капиталистовъ. То же еще въ большей степени справедливо относительно континентальной аристократіи. Повсюду способствуя развитію роскоши, капиталисты-parvenus или доводятъ крупныхъ собственниковъ-аристократовъ до разоренія, или оттѣсняютъ ихъ на задній планъ. У латинскихъ народовъ аристократія болѣею частью раззорена и побѣждена, но у германскихъ она защищается упорно; отсюда въ Германіи и Австро-Венгріи энергія аристократовъ въ борьбѣ съ капитализмомъ, идущая иногда до социализма,—конечно до социализма—сверху.

Впрочемъ, слабость въ настоящее время аристократическаго элемента сказывается и въ томъ, что онъ почти нигдѣ не дѣйствуетъ одними собственными силами, а примыкаетъ въ Пруссіи, гдѣ до сихъ поръ онъ всего громче заявлялъ о себѣ, къ чистымъ правительственнымъ, въ Австріи же, къ ультрамонтанской партіи, только въ Венгріи, гдѣ

правительственная власть слаба и чужеземна, а различные вѣроисповѣданія держали одно другое въ равновѣсїи, исключая православнаго, которое всѣми остальными считается политически вреднымъ и опаснымъ, и потому изъ патріотизма подавляется дружными силами, только въ Венгріи, высшая аристократія, устранившая отъ дѣлъ нынѣ господствующей мелко-дворянско-буржуазной либеральной партіей, начинаетъ серьезную самостоятельную дѣятельность. Магнаты, заставляющіе въ «Клубѣ экономистовъ» въ Будапештѣ, отнеслись къ дѣлу съ свойственною мадьярамъ сосредоточенною страстью, и есть причины думать, что они поведутъ проектированную агитацию съ тактомъ и энергіею, отличающимися ихъ расу.

Я не могу теперь входить въ подробности ни ихъ, ни другихъ подобныхъ программъ и плановъ дѣйствія въ настоящемъ, на скорую руку набросанномъ, очеркѣ, по намѣренію современемъ сообщить объ этомъ предметѣ болѣе; въ этотъ разъ я хотѣлъ только показать, какъ бы *à vol d'oiseau*, что правительство и династія, духовенство и аристократія Средней Европы не слѣпы и не глухи къ знаменіямъ времени, чего никакъ нельзя сказать о подобныхъ элементахъ въ Россіи.

Впрочемъ, весь этотъ социализмъ сверху, имѣлъ бы мало значенія, да и врядъ ли бы появился, еслибы не было социального движенія снизу и даже изъ середины.

Что я подразумѣваю подъ послѣднимъ, я намѣренъ объяснить въ слѣдующемъ дополнителномъ и заключительномъ очеркѣ.

Argus.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

V.

Союзы рабочихъ и социалистическія франціи. (Продолженіе)

Мы оставили французскіе рабочіе союзы въ моментъ установленія имперіи Наполеона III. Этотъ правитель возбуждалъ нѣкогда надежды известной части рабочихъ классовъ и даже теоретиковъ-социалистовъ, благодаря тому, что онъ не разъ высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, мысляхъ, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «Рабочій классъ ничего не имѣетъ, кромѣ своихъ рукъ. Надо дать ему мѣсто среди общества. Онъ не имѣетъ ни организаціи, ни правъ, ни будущности; надо ему дать права и будущность и, посредствомъ ассоціаціи, воспитанія и дисциплины поднять его въ своихъ же глазахъ». Не только Лун-Бланш ѣздилъ разговаривать съ Наполеономъ III въ гамбургскую тюрьму, но и Прудонъ называлъ его первымъ царственнымъ социалистомъ, думая, что сила вещей навяжетъ ему социалистическую политику. Дѣйствительно, Наполеонъ III былъ первымъ въ Европѣ правителемъ, который понялъ значеніе рабочаго вопроса, — но, будучи не только прежде всего честолюбцемъ, но и политикомъ старой школы, онъ думалъ, что ему удастся сдѣлать рабочій вопросъ своимъ орудіемъ и во всякомъ случаѣ подчинить его руководству центральной государственной власти. Захвативъ эту власть, Наполеонъ III засталъ зародыши свободныхъ рабочихъ организацій — и пожелалъ прежде всего разрушить ихъ. Борьбу съ свободными рабочими союзами началъ Наполеонъ III, еще

будучи президентомъ республики. Еще въ 1850 году члены центрального бюро рабочаго союза, о которомъ мы упоминали выше, были обвинены въ припятіи, якобы, участія въ политическихъ собраніяхъ и приговорены къ тяжкому наказанію, а 27 октября 1851 года былъ отправленъ въ другіе города нѣкій военный чинъ съ спеціальною цѣлью — разогнать всѣ производительныя рабочія ассоціаціи, а имущества ихъ поручить полицейскому комиссару ликвидировать. Члены потребительныхъ обществъ, «Travailleurs-unis» и «Société des Castors», обществъ наиболѣе извѣстныхъ, были преслѣдуемы, будто-бы, за сношенія съ тайными политическими обществами. На всѣ кооперативныя общества, учрежденныя во время февральской республики, правительство Наполеона III смотрѣло подозрительно. Новыя кооперативныя рабочихъ производственныя дѣла не возникали, и только въ 1857 и 58 годахъ появились двѣ незначительныя ассоціаціи въ Парижѣ. Въ 1855 году префектъ полиціи потребовалъ отъ парижскаго главнаго бюро рабочаго союза статуты для просмотра, но, не найдя въ нихъ ничего предосудительнаго, возвратилъ ихъ; но за то въ Лионѣ и другихъ городахъ эти же самые статуты оказались «предосудительными»; благодарителемъ этихъ мѣстъ отъ буйнаго Парижа, префекты нашли возможнымъ удержать эти статуты у себя. Въ Бордо существованіе рабочаго союза было запрещено производственныя дѣла.

«Злодѣю 2 декабря», сплотившемуся подавить рабочее движеніе, излишне было для этого прибѣгать къ изданію репрессивныхъ законовъ: прежнія, въ томъ числѣ революціонныя, правительства позаботились объ этомъ. Законъ 17 іюня 1791 года запрещаетъ учрежденіе обществъ «sous quelque pre-texte et forme que ce soit». Основатели и участники оныхъ подвергаются денежному наказанію въ 500 фр. и на годъ лишены политическихъ правъ. Законъ 22 Germinal an XI преслѣдуетъ рабочіе союзы, на правленные для прекращенія работъ, запрещающіе работать въ извѣстныхъ мастерскихъ и вообще мѣшающіе работѣ и удорожающіе ее. Участники и основатели таковыхъ подвергаются тюремному заключенію на 3 мѣсяца.

Законъ 1810 года упоминаетъ въ параграфахъ 415 и 416 уголовного кодекса о союзахъ, мѣшающихъ работѣ и удорожающихъ ее и караетъ «зачинщиковъ и основателей» оныхъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 2-хъ до 5 лѣтъ; кромѣ того, по истеченіи приговора суда, виновный отдается подъ надзоръ высшей полиціи на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ. Параграфъ 291 уголовного кодекса запрещаетъ гражданамъ собираться въ числѣ болѣе 20 душъ. Наполеонъ III, ободренный удачей 2 декабря, думалъ, что стоитъ только стряхнуть архивную пыль съ этихъ законовъ — и рабочее движеніе, пережившее ихъ, прекратитъ свое существованіе.

Но подобныя горделивыя думы правителей — суть безумныя мечтанія, которыя весьма часто исчезаютъ вмѣстѣ съ правителями въ пространство...

Мѣры Наполеона III заставили рабочихъ на время сойти съ открытаго пути и организоваться въ тайныя общества, между ко-

торыми первое мѣсто занимали общества, имѣвшія цѣлью возбуждать и поддерживать стачки рабочихъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Наполеонъ III позналъ, что репрессивные законы создаются только для утѣшенія законодателей. Казалось бы, что подобное сознаніе правителя народныхъ судебъ должно бы отрезать его и уяснить ему его роль по отношенію къ судьбамъ общественной жизни, однако... видно ужъ предначертано много берущимъ на себя правителямъ находиться въ состояніи «затмѣнія ума». Наполеонъ III, въ сто того, чтобы признать существованіе социальныхъ законовъ, управляющихъ общественнымъ движеніемъ, и на этомъ основаніи дать послѣднему свободный ходъ, задумалъ совершить новый экспериментъ надъ рабочимъ движеніемъ. Увидѣвъ свое безсиліе въ его подавленіи, онъ рѣшилъ своротить движеніе съ пути и поэксплуатировать его въ свою пользу.

И такъ, въ началѣ 60-хъ годовъ мы встречаемъ Наполеона III социалистомъ и другомъ рабочаго люда.

Рабочее движеніе покидаетъ путь тайныхъ обществъ и вступаетъ въ ту фазу, на которой застало его правительство Наполеона III. Кооперативное движеніе, не успѣвшее разочаровать рабочихъ, издавшихъ въ немъ единственное средство своего спасенія, съ 63 года вновь выступаетъ на сцену. Красныя брошюры, издаваемыя приверженцами Бонапарта и на деньги послѣдняго, поютъ въ унисонъ съ рабочими, впадая, однако, при этомъ, время отъ времени, въ маленькій диссонансъ. Напримѣръ, брошюра типографа Бретона, проповѣдующая пользу и распространеніе производительныхъ ассоціацій, прибавляетъ, между прочимъ, что рабочіе не въ силахъ накопить нужные для ихъ основанія капиталы изъ своихъ сбереженій: по его мнѣнію для этого нужна помощь государства. Эта мысль, высказанная бонапартистомъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ означала слѣдующее: «обратитесь къ Наполеону и онъ вамъ дастъ нужныя суммы». Но его величество не заставило себя долго ждать. Онъ былъ въ то время легокъ на помыслъ и шелъ шагъ за шагомъ за красными брошюрами. Онъ далъ 500.000 франковъ на «Caisse des associations cooperatives», другому кооперативному обществу парижскихъ рабочихъ онъ подарилъ 41 домъ. Въ Лионѣ обществу ткачей онъ внесъ въ даръ отъ себя и отъ своей супруги 300.000 фр. и на основаніе производительной ассоціаціи Наполеонъ далъ ткачамъ еще 300.000 фр.

Республиканская партія, видя столь великую щедрость Бонапарта, въ свою очередь обратила вниманіе на рабочій классъ и взялась за устройство кооперативныхъ обществъ. Такимъ образомъ возникла конкуренція между республиканцами и Бонапартомъ. Большинство рабочихъ слѣдовало за республиканцами. Въ 1869 году насчитывалось въ Парижѣ 53 производительныя ассоціаціи и 70 обществъ взаимнаго кредита, устроенныхъ съ помощью республиканской партіи. Въ Лионѣ было 19 производительныхъ, 24 потребительныхъ ассоціаціи и 4 общества взаимнаго кредита. Въ департаментахъ насчитывалось 200 производительныхъ ассоціацій.

Но въ то время, какъ бонапартисты и республиканцы форсированнымъ маршемъ толкали рабочихъ на устройство коопераций, въ рабочей средѣ назрѣвало сознание, подкашивающее взглядъ рабочихъ массъ на производительныя ассоціаціи, какъ на единственное средство ихъ спасенія. Переживъ наполеоновскую реакцію, во время которой административному произволу не было границъ, рабочий классъ, отстаивавшій свое движеніе, благодаря традиціямъ и путемъ организации тайныхъ обществъ сопротивленія, поставилъ на очередь вопросъ: возможно ли достигнуть ему экономическихъ улучшеній, безъ политической свободы?...

Мы видѣли, что до сихъ поръ рабочія общества, если и обращались къ своимъ правительствамъ, то съ единственной цѣлью добиться извѣстной терпимости, но и это было, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ. Общественныя законы, стѣсняющіе свободу, они и не заикались. Издавался, положимъ, законъ, связывающій ихъ по рукамъ и ногамъ. Рабочія общества, чтобы сохранить свое существованіе, бросали открытый путь и переходили въ тайныя общества. Правительства, положимъ, въ этой борьбѣ сдавались—и репрессивные законы притались подъ спудъ. Но рабочія общества, употребляя всю свою дѣятельность и энергію на борьбу за свое существованіе, приостанавливали, такимъ образомъ, ходъ своего дальнѣйшаго развитія. Кооперативное движеніе, начатое въ 40-хъ годахъ, было задержано, какъ мы видѣли, Наполеономъ на цѣлое десятилѣтіе. Наполеонъ отъ этого не выигралъ, но рабочее движеніе все же потеряло 10 лѣтъ времени.

Да, читатель, все это крайне печально, но насъ съ вами можетъ утѣшить, во первыхъ, то, что десятилѣтіе въ исторіи человечества есть моментъ столь микроскопической величины, для котораго нѣтъ названія, а во вторыхъ, вспомнимъ, что народныя массы составляютъ свои убѣжденія путемъ устныхъ преданій о пройденной жизни ихъ предковъ и наблюденія надъ явлениями окружающаго ихъ жизни. Помирившись съ этими непреложными истинами, мы просимъ читателя извинить насъ за невольное отступленіе.

И такъ, рабочіе въ 60-хъ годахъ, сознавъ путемъ горькаго опыта, что социально-экономическіе вопросы неразрѣльны съ политикой, охладѣли къ кооперативному движенію. Вотъ чѣмъ и объясняется, что въ 1869 году, при самомъ сильномъ подогрѣваніи кооперативныхъ идей бонапартистами и республиканцами, въ Парижѣ, въ концѣ концовъ, насчитывалось всего 50 производительныхъ ассоціацій, тогда какъ въ концѣ 40-хъ годовъ было 280. Этимъ объясняется также то обстоятельство, что, не смотря на всѣ заигрыванія Наполеона III съ рабочими, не смотря на всѣ его щедрые дары и красныя брошюры, не смотря даже на то, что деньги успѣли расположить къ нему нѣсколько лицъ рабочихъ, пользовавшихся большимъ влияніемъ въ средѣ парижской рабочей массы, не смотря на всѣ эти обстоятельства—империализмъ потерпѣлъ поражение въ избирательной борьбѣ 1863 г. Въ то время, какъ въ 1857 году официальные кандидаты получили въ Парижѣ 111.000 голосовъ, а оппозиція — 96.000, въ 1863

году бонапартисты имѣли за собою 82.000 избирателей, на долю же оппозиціи пришлось — 153.000. Побѣда, одержанная республиканцами при выборахъ, произошла, благодаря новому взгляду рабочихъ на политику. Отрѣшившись отъ индифферентизма къ политическимъ вопросамъ, рабочіе приняли дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ. Въ 1864 году мы видимъ даже попытки ихъ образовать политическую отдѣльную партію. Въ первомъ и въ пятомъ округахъ Парижа были поставлены рабочія кандидатуры съ опредѣленными требованиями политическихъ реформъ. Кандидатъ 5 округа, Толанъ, былъ уполномоченъ требовать: свободы слова, прессы, сходовъ и, наконецъ, уничтоженія закона 1791 года, направленного противъ рабочихъ союзовъ.

Такимъ образомъ къ половинѣ 60-хъ годовъ обрисовался полный разрывъ между рабочими, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, и правительствомъ имперіи, которое думало руководить рабочимъ движеніемъ послѣ тщетныхъ попытокъ остановить его. Въ это же время на исторической сценѣ передъ массою рабочихъ появились и новыя, конечно, болѣе искренніе претенденты въ руководители, — уже съ цѣлью ускорить рабочее движеніе, — придавая ему революціонный характеръ: то были политическіе заговорщики, якобинцы съ социалистическою окраскою, такъ называемые бланкисты, — и социалисты-интернационалисты, члены Международнаго общества рабочихъ.

Н. Жебуневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ КРЕСТЬЯНСКІЕ МИТИНГИ ВЪ АВСТРИИ.

I.

Давая нѣкоторыя свѣдѣнія о митингѣ крестьянъ изъ Моравіи и Силезіи, созданномъ консервативною (феодально-феодальной) партіей нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я сказалъ («Вольное Слово» № 44), что и либеральная (буржуазно-централистическая) партія назначила митингъ нѣмецко-моравскихъ крестьянъ, чтобы такимъ образомъ парализовать вліяніе консерваторовъ на развивающееся крестьянское движеніе въ Австріи.

Митингъ этотъ odbyлся, наконецъ, 5 ноября въ Брюнѣ. Либеральная партія употребила всяческіе способы, чтобы сдѣлать изъ митинга демонстрацію крестьянъ въ пользу ея принциповъ, а специально—въ пользу ея тене-решней оппозиціи въ парламентѣ. На сколько можно судить изъ газетныхъ извѣстій, этотъ планъ совершенно удался, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны. Больше 1200 нѣмцевъ крестьянъ изъ Моравіи заявили свои симпатіи къ программѣ либераловъ, ударяя особенно на національно-нѣмецкую окраску этой программы,—чего до сихъ поръ не было на крестьянскихъ митингахъ. Это явленіе очень печальное, такъ какъ оно показываетъ, что въ цѣломъ теперешнемъ крестьянскомъ движеніи еще очень мало самостоятельности и самосознанія и что сколько нибудь энергическое давленіе какой нибудь изъ полит. партій можетъ повести крестьянъ куда ей угодно. Если бы подобныя явленія повторялись раньше, то цѣлое крестьянское движеніе, которое обѣщало много хорошаго, сошло бы на ложную дорогу и совсѣмъ замутило и безъ того

еще не выяснившіяся политическія понятія крестьянъ.

Митингъ, какъ сказали мы, odbyлся 5 ноября. Предсѣдатель комитета Манетъ, бюргермейстеръ изъ Медля *), привѣтствуя собраніе, выразилъ радость при видѣ, что «крестьяне въ такомъ большомъ числѣ собрались въ нѣмецкой столицѣ (Браво!). Настоящій митингъ не хочетъ идти по слѣдамъ прежняго, чешскаго, но хочетъ засвидѣтельствовать, что нѣмецкіе крестьяне въ Моравіи держатся идей императора Іосифа II и что они искренніе нѣмцы и искренніе австрійцы». (Браво, браво!) Винтерголлеръ, бурмистръ Брюнскій, привѣтствовалъ при громкихъ одобреніяхъ собраніе отъ имени города, какъ товарищей по политическимъ убѣжденіямъ и національности, и заявилъ, что крестьяне теперь признаны не только равноправными (съ горожанами), но и равно важнымъ факторомъ государственной жизни.

По первому вопросу дневнаго порядка: «О теперешнемъ положеніи крестьянства», — получилъ голосъ кр. Рашендорферъ изъ Медля. Онъ рассказываетъ о прогрессѣ какой совершился въ крестьянствѣ со времени Іосифа II, вспоминаетъ объ освобожденіи земли въ 1848 г., о всеобщей воинской повинности, автономіи общинъ, судахъ присяжныхъ, избирательномъ правѣ и т. д., напоминаетъ, что все это дали крестьянамъ прогрессивныя идеи, — вслѣдствіе чего нѣмецкій крестьянинъ всегда будетъ стоять за прогрессъ (Браво!). Правда, не смотря на это, положеніе крестьянъ теперь очень тяжелое, но прогрессивныя идеи въ немъ не виновны; виновны сами крестьяне, такъ какъ они должны были вести свое хозяйство рационально и прогрессивно. (Одобреніе). Крестьяне должны стараться, чтобы машина и имъ приносила такую же пользу, какъ крупнымъ землевладельцамъ и крупнымъ промышленникамъ. Для этого крестьяне должны соединиться въ товарищества. Ораторъ полемизруетъ съ прежнимъ митингомъ (чешскимъ) и говоритъ, что тамъ совсѣмъ не справедливо осуждали либеральную партію за дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ. Напротивъ: либеральные депутаты голосовали противъ занятія Босніи и Герцеговины, стоившаго уже 200 милліоновъ гульд.; они голосовали противъ увеличенія военнаго бюджета, противъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ, между тѣмъ какъ чехи, поляки и клерикалы голосовали за все это. Для облегченія податныхъ тяжестей необходимо, говоритъ ораторъ, ввести поголовный подоходный налогъ, котораго именно и добиваются либеральные депутаты. Ораторъ далѣе защищаетъ свободу дробленія земли, совѣтуетъ крестьянамъ не выступать, какъ особая крестьянская каста, такъ какъ это привело бы къ средневѣковому дробленію на касты. Крестьяне должны присоединиться къ тѣмъ, кто имъ друзья. — «Гдѣ же эти друзья? — спрашиваетъ ораторъ и отвѣчаетъ: это друзья нашего наибольшаго друга; друзья и поклонники Іосифа II навѣрно и наши друзья. Это нѣмцы, либеральные нѣмцы и только нѣмцы! (Большое одобреніе). Мы не хотимъ уменьшать правъ нашихъ славянскихъ

*) Собственно сельскій старшина или голова; въ Австріи и головы-старшины въ селахъ зовутся бюргермейстерами.

согражданъ, по хотимъ и должны заявить, что всегда будемъ вѣрно и твердо стоять за нѣмцевъ, за нѣмецкую культуру, помни нашего императора Иосифа II, который съ гордостью называлъ себя нѣмцемъ, и что мы будемъ стоять за единство государства, къ которому стремился также Иосифъ II. Ораторъ предлагаетъ принять слѣдующую резолюцію: «крестьяне, собранные на общемъ моравскомъ крестьянскомъ митингѣ, заявляютъ, что они будутъ жить въ непоколебимой вѣрности императору и государству и будутъ стоять во вѣхъ дѣлахъ на точкѣ зрѣнія нѣмецкой и либеральной» *).

Иоганнъ Кофка, крестьянинъ и бурмистръ въ Пинке, говорилъ о сельскомъ кредитѣ и лихвѣ, требовалъ запрещенія крестьянамъ подписывать векселя и предложилъ слѣдующую резолюцію: «наши депутаты въ сеймѣ и имперской думѣ должны обратить особенное вниманіе на кредитныя отношенія въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно на личный кредитъ, поддерживать все, что можетъ доставить сельскимъ хозяевамъ дешевый и достаточный кредитъ».

По слѣдующему вопросу: «нѣкоторые юридическіе вопросы», говоритъ кр. Карлъ Клугеръ, изъ Гундерсдорфа. Онъ находитъ, что гражданское судопроизводство и взысканіе недоимокъ слишкомъ дорого, также точно слишкомъ дорога и принудительность легализаціи собственности для крестьянъ; эту принудительность надо уничтожить и ограничить число адвокатовъ. Нужна также реформа судебныхъ процессовъ о наследствахъ, уголовного процесса и закона о гербовыхъ пошлинахъ. Ораторъ предлагаетъ резолюцію объ удешевленіи названныхъ процессовъ и пошлинъ.

По дальнѣйшему вопросу: «о законѣ о прислугѣ, бѣдныхъ и правѣ ослѣдлости» (Heimatsrecht) — крестьяне домогались въ особенной резолюціи реформы существующихъ законовъ такъ, чтобы каждый могъ получать ослѣдлость уже самымъ фактомъ своего жительства въ пзвѣстномъ мѣстѣ въ теченіе пзвѣстнаго срока, — а также заведенія для бродягъ принудительныхъ рабочихъ домовъ въ политическихъ округахъ Моравіи. Въ послѣдней резолюціи митингъ высказался за сохраненіе 8-лѣтняго срока для обязательнаго посѣщенія школъ противъ 6-лѣтняго, котораго домогаются консерваторы и созданные ими митинги крестьянъ.

Всѣ резолюціи приняты единогласно. Послѣ того прочтаны были телеграммы отъ либеральныхъ депутатовъ, бывшего министра Хлумецкаго и д-ра Штурма. — и принято заявленіе довѣрія для либеральныхъ депутатовъ въ моравскомъ сеймѣ и вѣискомъ парламентѣ.

*) Замѣчательное сходство (конечно, mutatis mutandis) приемовъ нѣмецкихъ централистовъ буржуазныхъ, назвавшихъ себя либералами, съ такими приемами россійскихъ централистовъ консерваторовъ дворянско-чиновническихъ, пустынныхъ было про себя славу пародниковъ. И тѣ, и другіе ничего не имѣли за душою, кромѣ фразъ о національномъ духѣ и единствѣ государства и наивно воображаютъ, что крестьянъ вѣчно можно водить за носъ восхваленіями памяти «царя освободителя», которыми можно скоро до тошноты надѣсть даже и самому благодушному поселенцу, особенно въ то время, когда его допекаютъ насущныя нужды, въ родѣ изображенныхъ далѣе нашимъ корреспондентомъ. (Ред.)

Никогда еще крестьяне не высказывались такъ демонстративно въ пользу либеральной буржуазии, какъ на этомъ митингѣ. Понятно, что газеты либеральной партіи съ великимъ похвалами отзывались объ этой демонстраціи. «Deutsche Zeitung» назвала моравскихъ крестьянъ наиболѣе развитыми въ политическомъ и культурномъ отношеніи изъ вѣхъ крестьянъ въ Австріи и даже въ Германіи, такъ какъ «въ Вестфалии и Тюрингіи, въ прусскихъ земляхъ надъ Вислою и въ долинѣ Рейна, въ Баваріи и въ прусской Силезіи надъ католическими крестьянами господствуетъ римско-клерикальная партія, которая въ этихъ странахъ такъ могуча, что ни государство, ни либерализмъ, ни социализмъ, — который однакожъ повсюду распространяется, — не могутъ сломать этой силы, — богемско-моравскіе же нѣмецкіе крестьяне, при всей своей набожности, — люди политически свободные». За то та часть журналистики, которая держится въ сторонѣ отъ национальныхъ австрійскихъ предрассудковъ, очень холодно приняла описанный нѣмецко-либеральный манифестаціи моравскихъ крестьянъ. Такъ, напр., «Morgen Post», газета, правда, безъ широкихъ политическихъ взглядовъ, но честная (а въ Вѣнѣ это явленіе рѣдчайшее!) и искренно преданная интересамъ рабочаго населенія, — говоритъ: «Ни вопросъ ремесленниковъ, ни рабочихъ, ни крестьянъ не суть вопросы національные... Не только крестьяне Моравіи, но крестьяне цѣлой Австріи скорѣе могли бы достигнуть своихъ цѣлей, если бы выслали въ парламентъ людей, которые составили бы кровь отъ крови ихъ и кость отъ кости ихъ. Но это дѣлается очень рѣдко; чаще всего крестьяне выбираютъ въ парламентъ адвокатовъ. Можно ли отъ этихъ героевъ взысканія судебныхъ издержекъ ожидать одушевленія въ пользу облегченія и ускоренія юридическихъ операцій?... Только когда разширенное избирательное право войдетъ въ жизнь, когда парламентъ вѣискій станетъ дѣйствительно народнымъ... тогда только для ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ настанетъ новая эра, — эра справедливости и освобожденія»...

В. Мак.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Одинъ изъ названныхъ россійскихъ юбилеевъ. Съ новымъ 1883 годомъ исполнилось столѣтіе изданія Екатерининскаго Положенія о Народныхъ Училищахъ, — и печать россійская (отъ нечего дѣлать!) празднуетъ по сему случаю юбилей. Досадное чувство возбуждаютъ разсужденія по этому случаю печати т. наз. либеральной. Какъ извѣстно, россійскіе либералы, а также и радикалы, весьма рѣдко, даже внутри себя, простираютъ свой либерализмъ и радикализмъ до того, чтобы обращаться къ самому обществу; они все льстятъ себя мысля преломить на свою сторону правительство. Для этого они чаще всего употребляютъ три приема, сообразно тремъ временамъ русскаго глагола: или убѣждаютъ правительство въ томъ, что ему выгоденъ либерализмъ, (пріемъ отъ будущаго времени), или же прикидываются невѣрующимъ тому, чтобы столь мудрое правительство могло быть нелиберальнымъ, (пріемъ отъ настоящаго), или же выбираютъ въ прошедшемъ какого нибудь монарха да и расписываютъ его въ либеральнѣйшія краски для прельщенія монарха, нѣмъ благополучно царствующаго. Иногда это расписываніе умершихъ монарховъ доходитъ до высокаго композита, мы скакали бы недосыгаемаго, если бы два года назадъ не видѣли, какъ россійскіе либералы ухитрились раздвоить живаго тогда Александра II на два лица: до-Карако-

зовское и послѣ-Каракозовское, и восхваляли первое для прельщенія втораго къ переходу въ третье лицо: со-Дорисо-Мелпоковское. Чаще всего предметомъ подобныхъ либерально-радикальныхъ проделокъ становятся Петръ I и Екатерина II. На этотъ разъ образомъ сей послѣдней понадобилось прельстить Его И. Вели. Александра II, а память Бецкаго и Де-Миріева кольнуть Его Святѣйшество К. П. Побѣдоносцева и К^о. И появился юбилейный рѣчи по поводу насажденія Народныхъ Училищъ просвѣщенною императрицею! На самомъ же дѣлѣ все императорское санктъ-петербургское правительство ничего не имѣетъ общаго съ народнымъ просвѣщеніемъ, — и если ужъ праздновать, а особенно либераламъ, юбилей народныхъ школъ въ Россіи, то надо перенести ихъ сроки или въ древнія времена, или поближе къ намъ, но во всякомъ случаѣ подальше отъ начальства петербургскаго и его родителя, московскаго. Народная русская школа создавалась помимо этихъ начальствъ: въ Кіевѣ, Львовѣ, Острогѣ, Вильнѣ, Новгородѣ, Псковѣ, — и е. въ свободныхъ, вѣчевыхъ народопроставшихъ училищахъ. Въ сѣверныхъ народопроставшихъ школахъ и «философовъ» пстрѣбило московское начальство еще въ XV — XVI вѣкѣ; въ юго-западныхъ училищахъ школы жили, развивались и распространялись въ селахъ до конца XVII вѣка, пока ихъ развитие не остановила та же лапа московскаго начальства. Окончательно же ихъ загло просвѣщенное начальство петербургское, особенно послѣ изданія Екатерининскаго Положенія о Народныхъ Училищахъ и учрежденія Александромъ I Министерства Нар. Просвѣщенія. Загляните въ Лексиконъ (Литература и наука при Петрѣ Великомъ), въ митр. Евгенія (Опис. Кіевск. Соф. Соб.), архіеп. Филарета (Оп. Харьк. Епархіи), въ труды г. Гр. Давыдовскаго (Украинская Старина), пр. Сухомлинова (Нар. уч. въ Черн. губ.) и др., — и вы увидите, что одинъ великій просвѣтитель, Петръ I, велъ въ Малороссію цензуру Св. Синода, что другая великая просвѣтительница, Екатерина II, запретила въ Малороссіи употребленіе учебниковъ мѣстной, а не великороссійской печати, что со времени этой просвѣтительницы, а особенно со времени учрежденія россійскаго Мни. Народн. Просвѣщенія школы въ Малороссіи и Слободской Украинѣ совсѣмъ почти исчезли (даже въ 1860 г. во всей Черниг. губ. было только 65 сельскихъ школъ, тогда какъ въ 1769 г. въ одномъ черн. козацк. полку ихъ было болѣе 150, т. е. почти въ каждой селѣ). Изъ трудовъ пзслѣдователей крайняго сѣвера (напр., г-жи Ефименковой) можно видѣть, хоть косвенно, что и въ этой странѣ, пѣкогда повгородской колоніи, грамотность съ XVI—XVII в. упала въ теченіе XVIII—XIX в. до самыхъ послѣднихъ временъ. Наконецъ, кто же не знаетъ, что до сихъ поръ въ Велико-россіи грамотность распространена наиболѣе среди раскольниковъ и сектантовъ, т. е. людей, которыхъ гнало московское и петербургское правительство и которые сами отреклись отъ него, какъ отъ саганы? Оживать и возрождаться послѣ московскаго и петербургскаго разоренія русская народная школа стала только въ послѣднія десятилетия, илитъ такъ благодаря частной и общественной инициативѣ (воскресенія и другія частныя школы 50-хъ 60-хъ годовъ, земскія школы съ 1863 г.) и на перекоръ просвѣщенному правительству, которое закрыло воскресныя школы въ 1862 году и неустанно борется съ земскими начинаніями въ пользу народнаго просвѣщенія. И еслибъ какому нибудь образомъ исчезли съ лица Россіи всѣя правительственныя Положенія о Народныхъ Училищахъ, если уже не все министерство нар. просвѣщенія, — то лѣтъ черезъ 25 можно бы было дѣствительно отпраздновать юбилей народной школы, передъ которымъ побѣдѣли бы всѣ юбилей императорской имперіи, столь надѣвшие истинно либеральнымъ людямъ въ послѣдніе годы. М. Д.

Ходятъ слухи, что изъ Петербурга высланы, въ правомъ выбора себѣ мѣста жительства во всей имперіи, за исключеніемъ столицы, г. П. Михайловскій, публицистъ, за рѣчь «о чести и долгѣ», прочитанную имъ на одномъ изъ студенческихъ вечеровъ, г. Шелгуновъ, сотрудникъ «Дѣла», за одобреніе этой рѣчи.

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Dard 4, 15